

★ Олег ТАРУГИН ★

ВОЛКОДАВЫ СМЕРША

ТИХАЯ ВОЙНА

Война. Штрафбат. Они сражались за Родину

Олег Таругин

Волкодавы СМЕРШа. Тихая война

«Махров»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Таругин О. В.

Волкодавы СМЕРШа. Тихая война / О. В. Таругин — «Махров»,
2017 — (Война. Штрафбат. Они сражались за Родину)

ISBN 978-5-9955-0934-9

Его война началась на рассвете 22 июня 1941 года. Младший лейтенант погранвойск Александр Гулькин был одним из тех, кто принял первый, самый страшный удар перешедшего границу противника. Застава продержалась до позднего вечера, сдерживая натиск многократно превосходящих сил, погибнув практически в полном составе. Чудом выйдя к своим, Александр оказывается в учебном лагере Управления Особых Отделов, будущего легендарного СМЕРШа. У особой группы контрразведки своя «тихая» война – схватки с немецкими парашютистами-диверсантами, захват агентов Абвера. Война, о которой не напишут в газетах фронтовые корреспонденты, но которая не прекращается ни на день, ни на час.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9955-0934-9

© Таругин О. В., 2017
© Махров, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Олег Таругин

Волкодавы СМЕРШа. Тихая война

Автор считает своим долгом напомнить, что описанные в книге события в определенной степени выдуманы и могут не совпадать с событиями реальной истории. Действующие лица романа и названия некоторых географических объектов также вымышлены, и автор не несет никакой ответственности за любые случайные совпадения.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа всем постоянным участникам форума «В Вихре Времен» (forum.amahrov.ru). Отдельная благодарность Вячеславу Салину, Алексею Владимировичу «Иванову», Алексею Тьчкину, Сергею Павлову, Игорю Черепнёву, Владиславу Стрелкову, Александру Оськину, Евгению Попову, Борису Батыршину за конструктивную критику и помощь в работе над книгой. Огромное спасибо, друзья!

Пролог

Секретно.

Циркулярно, командирам ОКР «СМЕРШ»

Центрального, Воронежского, Степного фронтов

«В связи с подготовкой немецким командованием наступательной операции, которая ориентировочно должна начаться в десятых числах июля, в районе значительно возросла активность разведывательно-диверсионных групп противника, преимущественно из числа парашютно-десантных подразделений. Целью является вскрытие мест дислокации советских войск, штабов, складов боепитания и ГСМ, подготовка и проведение диверсий на путях сообщения, железнодорожных станциях и коммуникациях связи. Оперативным частям и отрядам особого назначения «СМЕРШ» принять активное участие в розыске и ликвидации вражеских ДРГ. Особое внимание обратить на захват командиров групп и радистов, являющихся ценными источниками информации. Действовать скрытно, не привлекая излишнего внимания, в том числе со стороны советских войск. Для выполнения задачи разрешено использование любых методов. Командованию размещенных в зоне проведения операции линейных частей Красной Армии, военной разведки и контрразведки оказывать любое возможное содействие. К выполнению задания приступить немедленно».

Начальник ГУКР «СМЕРШ» комиссар ГБ 2-го ранга Абакумов В. С.

Начало июля 1943 года

– Чего-то долго они, а, командир? Уж должны были появиться. Может, мы с лежкой прогадали, не там ждем? – Не потревожив ни одной ветки, мамлей Максимов одним коротким движением размял затекшие мышцы, в следующее мгновение снова превратившись в ничем не примечательную кочку на поросшем колючим кустарником краю оврага. Говорил он тихо, практически одними губами – нормальный человек и в метре ни слова не разберет, решит, ветер в листве шебуршит, – однако прекрасно знал, что лейтенант Гулькин его слышит. Разумеется, так и оказалось:

– Лежи себе, не рыпайся, мало ли чего у фрицев по дороге случилось. Задержались, бывает. Другой дороги тут все одно нет, или овраг с нашей стороны обходить, или понизу идти. А понизу да с грузом они идти точно не захотят, сам ведь видел – грязюка чуть не по колено, спасибо ручейку и недавним дождям. Ну, а полезут сдуру – все равно услышим, когда на наши хитрушки напорются. Хотя это и нежелательно, тогда по-тихому уже не сработаем.

Слева раздался негромкий, на самом пределе слышимости, тройной металлический стук обушком ножа по пистолетному затвору. Костя Паршин, занимавший позицию в недалеких зарослях на левом фланге засады, передавал сигнал: «Внимание, вижу противника». Вот и гости долгожданные пожаловали, напрасно Макс так переживал. Вышли в точности туда, где их и ждали. Вот и хорошо, не придется за ними по лесу бегать. Хотя что тут леса – не Белоруссия, чай, где он два года тому впервые с фашистскими гадами столкнулся, и даже не подмосковные леса, где с парашютистами познакомиться довелось...

Аккуратно поведя биноклем, старший группы без труда обнаружил показавшихся на противоположном краю не слишком глубокого, но достаточно широкого оврага «гостей». Один, два, три... пять. В точности как им и сообщили, когда в середине ночи по тревоге подняли: пятеро парашютистов выбросились перед рассветом примерно в десяти км отсюда. Предположить, куда пойдут и где их можно перехватить, было уже делом техники. Благо местность

знакомая, неоднократно хоженная-перехоженная, а кое-где и на брюхе исползанная. Да и карты имеются. А уж работать с ними их туго учили, ночью разбуди – ни одного условного обозначения не перепутают.

Гулькин подкрутил колесико фокусировки, приглядываясь.

От прыжковых комбинезонов и ребристых, словно танкистские шлемы, наколенников фрицы уже избавились, оставшись в серо-зеленой униформе с объемными карманами и высоких прыжковых ботинках на толстых резиновых подошвах. Подсумки с запасными магазинами перевесили с голеней на ременно-плечевые системы, облегчая ноги для долгого перехода. Головы прикрывают затянутые матерчатыми чехлами десантные шлемы без закраин – чтобы не сорвало воздушным потоком во время прыжка и не запутались стропы раскрывающегося купола. Под охватывающие каски полоски ткани вставлены свежесломанные ветки с еще не успевшими засохнуть листочками.

Вооружены все автоматами, знакомыми до последнего винтика «МП-40», которые и осназовцы с удовольствием использовали при необходимости; у двоих оружие висит поперек груди, пистолетной рукояткой вправо, у остальных – вдоль туловища стволом вниз, под правой рукой. Все правши? Однозначно. Да и кобуры специального «десантного» образца тоже подвешены под рабочую руку. Что ж, прекрасно, значит, правильную позицию заняли. Из прочего оружия – по крайней мере, того, что на виду, – засунутые рукоятками за поясной ремень гранаты и ножи. За плечами четверых – объемные ранцы, нужно полагать, со взрывчаткой, дополнительными боекомплектами и пайками, у пятого, самого крупного из всех – угловатый короб портативной рации. Так, с этим ясно. Кто командир? Экипировка у паршей¹ практически одинаковая, так сразу старшего и не определишь. Скорее всего, третий, он и постарше будет, и ведет себя соответствующе. Вон как только что идущего первым диверсанта за что-то отчитал – аж морда на миг праведным гневом перекосилась. Да, точно он, нечего и гадать. С такого расстояния знаки различия, конечно, не разглядишь, но сомнений практически не осталось. Все, начинаем...

– Макс, передай ребятам, работаем по обычной схеме. Командир идет третьим, радист – замыкающим. Этих, кровь из носу, брать живыми. Остальных – в расход или как получится. Начинаю я, ориентир – как только они вон до той березки дотопают. Первые двое – мои. И чтобы без лишних телодвижений! Не расслабляться, фашист еще свеженький и полный сил, только второй переход, даже не вспотели пока всерьез. На все про все – две минуты. Максимум. Желательно в одну уложиться. И глядите, чтобы гости в овраг не ломанулись, догоняй их потом по грязи. Замерли, ребяташки, ждем сигнала.

Немцы шли грамотно, так запросто и не подберешься – заметят. И дистанцию правильно выдерживают, и за флангами с прочим тылом приглядывают со всем тщанием. Поэтому старлей и выбрал для засады именно это место. Хочешь не хочешь, а пробираясь сквозь густые колючие заросли, немцы в любом случае ослабят внимание. А после выйдут на небольшую полянку, с трех сторон ограниченную все тем же кустарником. Где они их и примут, атаковав *справа* – не зря ж он именно тут бойцов разместил. Преимущество, конечно, небольшое, крохотное даже, – но в подобных играх та доля секунды, которой паршу не хватит, чтобы ствол на нужный угол повернуть, порой целой жизни стоит.

Зашевелились ветви, и идущий первым диверс осторожно выглянул на открытое место. Поднял сжатый кулак, подавая товарищам знак остановиться. Огляделся, настороженно зыряка глазами из-под среза надвинутого по самые брови шлема. Гулькин ждал, привычно слившись с землей: дело обычное, если нужно, и часами может так лежать. Бывали моменты, знаете ли.

¹ Парш (жаргон частей ОНАЗа времен Великой Отечественной войны) – парашютист (возможно, парашютист-шпион). Встречается, к примеру, в романе В. О. Богомолова «Момент истины».

Наконец гитлеровец решил, что все в порядке, и разрешающе отмахнул ладонью, первым выходя на поляну. Поправил висящий под рукой автомат, скорее автоматически, нежели по надобности. Коротко передернул плечами, возвращая на место съехавшие лямки зацепившегося за колючие ветки ранца. До молодой березки, лениво шелестящей тронутой летним зноем листвой, ему оставалось метров пять, не больше. Приготовились.

Палец лейтенанта беззвучно отвел назад ребристое колесико курка «ТТ», локоть левой руки коснулся рукояти засунутого за ремень трофейного «вальтера». Нормально, при первом рывке не выскользнет, а дальше уж и неважно станет, поскольку счет пойдет на доли секунды. Да и не придется им много стрелять, если все нормально срастется. И одного магазина хватит. Автоматов ни у кого из осназовцев не было, только пистолеты или – по желанию – револьверы, порой оснащенные глушителями-«брамитами»². Особенность профессии, так сказать: офицер, постоянно таскающий с собой в тылу «ППШ» или, тем паче, трофейный «машинепистоль», порой вызывает ненужное *внимание* со стороны окружающих, пусть даже они трижды бойцы Красной Армии. А ненужное внимание – самое последнее, о чем мечтает сотрудник особой группы СМЕРШа, знаете ли! Потому пистолеты предпочтительнее, один в кобуре, как и положено по форме, другой (или другие)... да где угодно, собственно, лишь бы в глаза не бросался.

Напрягшись, словно взведенная боевая пружина, Гулькин в крайний раз проиграл в уме партитуру будущей схватки. Вроде все в порядке, должно нормально срастись. Возьмут фрицев как миленьких, куда денутся. Лишь бы новенький, младший лейтенант Васютин, не напортичил, все-таки впервые на задание идет. На тренировках вроде бы хорошо себя показал, а как на деле будет? Вот сейчас и поглядим. Плохо только, что Антону достался именно радист – уж больно здоровенный, сволочь, настоящий бугай. Но изменить уже ничего нельзя, согласно плану, замыкающий именно на нем...

Парашютист сделал шаг, другой. Следом выбрался из зарослей, раздраженно потирая оцарапанную веткой щеку, второй. У этого «МП-40» висел на груди, на приспособленном, чтобы оружие не болталось на уровне пуза, ремне. Сейчас появится командир группы – и можно брать. Первый как раз до березки дотопаёт. Да и остальные на открытое место выползут. Дотопал, вражина. Пора!

Оттолкнувшись опорной ногой, лейтенант Саша Гулькин, позывной «Птица», взмыл с земли, раскидывая маскирующие лежку ветви. Следом рванулись еще три такие же размытые и очень быстрые тени, облаченные в «лохматые» самодельные масккостюмы, надетые поверх обычной двухцветной «амебы». Заметив боковым зрением движение, парашютист начал было разворачиваться в сторону столь неожиданной опасности, но было уже слишком поздно что-либо предпринимать. Пистолет в руке Александра коротко дернулся, выплевывая стреляную гильзу, и гитлеровец, взмахнув руками, начал заваливаться назад, отброшенный почти полутонным ударом. На пару сантиметров ниже среза каски, в аккурат на уровне переносицы, темнело совсем небольшое, почти незаметное на первый взгляд отверстие.

Продолжая движение, лейтенант кувыркнулся вперед, плечом подсекая колени второго номера. Фриц охнул от неожиданности, отмахнул автоматом – и когда только успел сорвать с плеча? Неплохая реакция – и полетел мордой вниз. В точно отмеренный момент напоровшись грудью на выставленный Гулькиным нож разведчика, заточенный до бритвенной остроты. Диверсант сдавленно булькнул, выгибая дугой спину, – и обмяк. Сашка отпихнул труп – ну, да, уже именно труп, поскольку попал, куда и планировал, лезвие вошло точно между четвертым и пятым ребром слева – и рывком бросил собственное тело в положение для стрельбы с колена. Впрочем, помогать пацанам не понадобилось – все третьи, не первый перехват, ага. Ну, кроме новичка, разумеется. Максимов, в прыжке подбив командира группы под колени,

² «БраМит» (Братья Митины) – советский прибор бесшумной и беспламенной стрельбы («глушитель»), названный по фамилии разработчиков, братьев Митиных. Производился двух типов, для револьвера системы Нагана и трехлинейки.

крутанул в горизонталь, заплетя ноги, и сейчас уже восседал на спине, грубо заламывая тому руку болевым приемом. «Хоть бы кисть не сломал, – мельком подумал Гулькин. – Нянчись потом с увечным».

Паршин, двумя выстрелами завалив четвертого, бросился на помощь товарищу. Судя по тому, как падал подстреленный фриц – в глухую, одна пуля в голову, другая в грудь. Да и не промахиваются такие, как они, с нескольких-то метров. Даже в движении, даже из самого немыслимого и неудобного положения. Идущий в арьергарде радист, в отличие от камрадов, имел в распоряжении чуть больше времени – секунды полторы, если так прикинуть. Прянув в сторону, он одним движением сбросил на землю рацию, сорвал с плеча «машинепистоль» и успел дать в сторону Васютина – четвертого бойца особой группы – короткую очередь. Одна из пуль дернула рукав комбеза, другая чиркнула по шее, но это уже ничего не могло изменить: сбив пытавшегося нырнуть обратно в заросли противника с ног, младлей навалился сверху, обеими руками схватив автомат за ствол и пистолетную рукоять и прижимая оружие к груди фашиста. Из пробитой шеи осназовца хлестала кровь, заливая камуфляж. Но немец ожидал чего-то подобного: ударом выставленного перед собой колена отбросив раненого бойца, он попытался подняться на ноги. Вражеский автомат Васютин так и не выпустил из рук, ухитрившись сорвать с плеча диверсанта ремень.

Паршин, глухо выругавшись, поднял пистолет, собираясь стрелять, причем явно не по конечностям. Но лейтенант, заорав: «Не сметь!», успел первым, прострелив фрицу голень. Нога подломилась, и тот снова рухнул на землю, подвывая от боли.

На этом короткий, продлившийся не дольше минуты, бой и закончился.

– Осмотреться, – прохрипел Гулькин, пряча оружие в кобуру и бросаясь к раненому. – Макс, пленных пакуй. И подстреленного фрица перевяжи, уходим быстро, пять минут – и нас тут не было.

Подскочив к лежащему на спине Васютину, с размаху плюхнулся на колени, дергая из кармана перевязочный пакет. Что дело плохо, он и без того видел: простреленный навывлет бицепс – фигня, достаточно обычной тугой повязки. Но вторая пуля, судя по всему, перебила сонную артерию, вон как беднягу кровью заливает. Зажав ладонью окровавленную шею товарища, рванул зубами обертку индпакета:

– Костя, ко мне. Помоги.

Вдвоем с Паршиным кое-как перевязали товарища, вроде бы остановив кровь. На курсах оказания первой помощи их учили, что в подобной ситуации нужно наложить своего рода жгут, но так, чтобы не передавить артерию с противоположной стороны. Поэтому, закинув руку со здоровой стороны за голову, наложили давящую повязку через подмышку. Вроде получилось, но в благополучном исходе лейтенант уверен не был: Васютин уже потерял сознание, да и кожа его бледнела буквально с каждой секундой. Потеря крови и болевой шок, мать их. А до своих, кстати, почти три кмэ по пересеченке... Дотащат ли? Еще и радист ранен, а так мог бы помочь... ну, твою ж мать! Так все здорово начиналось, и немцев точно вычислили, и взяли практически идеально. Что ж Васютин так лопухнулся-то? С другой стороны, не особо Антон и виноват: кто ж знал, что радист именно замыкающим пойдет, а не в середине? Гулькин, когда бойцов размещал, специально «молодого» крайним поставил. Думал, завалит своего – и все. А парню пришлось на захват идти, импровизируя на ходу...

– Костя, помоги Максу. Ранцы прошмонайте, если что ценное – забираем с собой. Остальное бросить. Трупы осмотреть – и в овраг, вещи, стволы – туда же, замаскировать ветками, по возможности вернемся позже, заберем оружие и мелочевку. Иди, я пока пару слег срублю, носилки из фрицевских плащ-палаток сделаем.

– Думаешь, донесем? – Паршин был мрачен, словно туча.

– Если сильно повезет, – буркнул Александр, с остервенением оттирая окровавленные ладони о траву. – Очень сильно. – И сдавленно рявкнул, теряя терпение: – Бегом давай, время теряем!

Следующие несколько минут пролетели незаметно. Пленных надежно связали – так, чтобы могли самостоятельно передвигаться, но не более того. Раненому радисту наложили повязку – повезло, пуля прошла между костями голени, не раскрошив ни одной из них, так что идти он мог сам, опираясь на плечо камрада. Больно, конечно, ну да что делать? Жить хочет – помучается немного. Поскольку альтернативы нет – на себе его никто тащить не станет.

Пока товарищи инспектировали содержимое ранцев, Гулькин соорудил из стволов молодых деревьев и пары камуфлированных брезентовых плащ-палаток импровизированные носилки, на которые уложили так и не пришедшего в сознание Васютина. Рацию навьючили на командира диверсионной группы, тем самым еще больше ограничив его свободу движений: попробуй-ка подергайся с грузом на спине и повисшим на плече едва ковыляющим раненым. Тем более что отлично знающий немецкий Александр сразу предупредил: «Будешь делать глупости – прострелю колени и локти и оставлю в лесу. Живым, возле муравейника. А потом вернусь обратно, посмотреть, что от тебя осталось. Обо всем, что нам нужно, мы и от твоего товарища сможем узнать. Понял, нет?»

Несколько секунд гитлеровец буравил его лицо прищуренными серо-стальными глазами, всем своим видом выражая презрение – еще бы, какой-то унтерменш посмел ТАК разговаривать с истинным арийцем, офицером элитного подразделения.

– Похоже, нет... – с ленцой в голосе протянул лейтенант. И нанес всего один короткий удар сложенной лодочкой ладонью в нужную точку. Немец охнул, ломаясь в поясе, и упал на колени, тщетно пытаясь протолкнуть в легкие хоть немного воздуха. Выждав несколько мгновений, Гулькин захватил его подбородок бурыми от крови пальцами, больно сжав нижнюю челюсть в месте выхода нервов, и запрокинул голову, взглянув в побагровевшее лицо:

– Теперь понял? В глаза смотреть, пададь!

На сей раз поединок взглядов не продлился и секунды – фашист первым отвел глаза и коротко кивнул, потихоньку восстанавливая дыхание. В том, что этот с трудом сдерживавший ярость русский поступит именно так, как обещал, он теперь абсолютно не сомневался...

– Готовы? – Гулькин оглядел товарищей. – Макс, пленные на тебе, гляди в оба. Мы с Паршиным первыми Антона понесем. Меняться станем каждые полчаса. Вопросы? Нет? Тогда вперед. Костя, давай, взяли.

– Взяли, командир. – Паршин первым наклонился к носилкам.

И тут же выпрямился, растерянно заморгав:

– Командир, тут это... Антоха, похоже, того, помер...

Опустившись на колени, Александр коснулся ладонью липкой от начинающей подсыхать крови шеи товарища, не ощутив под пальцами даже самого слабого биения. На всякий случай рассек ножом куртку, приникнув ухом к груди. Тишина. Все, отмучился, бедняга...

Глава 1

Мл. лейтенант Александр Гулькин. Июнь 1941 года

Младшей погранвойск Сашка Гулькин вполне обоснованно считал себя счастливым. Поскольку мог погибнуть еще в детстве, когда вместе с друзьями отправился искать приключений на железнодорожный перегон, где поезда притормаживали перед крутым поворотом. И при должной сноровке можно было успеть забраться на тормозную площадку вагона или платформу и прокатиться с ветерком пару километров. А потом с победным воплем сигануть на скорости с высоченной песчаной насыпи – если правильно сгруппироваться, даже ноги не подвернешь.

Как уж там все произошло, он помнил плохо, поскольку прилично ударился головой и почти месяц пролежал в больнице, но суть была в том, что он сорвался. То ли нога соскользнула с ржавой ступеньки, то ли рука подвела, не успев ухватиться за поручень, но он полетел под колеса, прямиком в щель между соседними вагонами. Но в тот день ему немыслимо повезло: зацепившись плечом за лязгающий неумолимым прессом буфер, упал аккурат между рельсами. И поезд прогрохотал поверху, лишь запорошив распластанное на шпалах тело угольной пылью и унеся неведомо куда почти новую кепку. Впрочем, сам он этого не видел, отключившись от удара, – пацаны позже рассказали, уже после того, как к нему в палату посетителей пускать стали.

После возвращения из больницы, получив полную порцию отцовских ременно-задничных наставлений и молчаливого материнского осуждения, Сашка твердо решил завязать с подобными глупостями. Даже учебу подтянул, уделив особое внимание иностранному языку, по которому к концу года едва-едва на троечку выходил. Что особенно расстраивало мать, как раз таки учительницу того самого иностранного, суть – немецкого. Не в его школе, разумеется, только этого не хватало, в соседней. Язык пошел неожиданно неплохо – то ли открылись некие скрытые резервы, то ли башкой о шпалы очень выгодно приложился. В тот момент он и представить не мог, насколько это пригодится в недалеком будущем.

Заодно и спортом всерьез занялся, записавшись сразу в несколько секций. Даже с парашютной вышки пару раз сиганул. Как ни странно, лучше всего ему давалась пулевая стрельба. Так что допризывник Гулькин вскоре стал завсегдатаем стрелковой секции ОСОАВИАХИМ, а там и нормы сначала БГТО, а затем, когда возраст позволил, и ГТО сдал. И долгожданный значок «Ворошиловский стрелок», набрав положенное количество очков, получил. После чего окончательно решил связать жизнь с армией. Отец, простой фрезеровщик и ветеран Гражданской, комиссованный из армии по ранению и до сих пор хромающий, был доволен, мать – наоборот. Поскольку мечтала для сына о совсем ином будущем. Но мужская половина семьи осталась непреклонной, а мнения двух младших сестренек никто не спрашивал. Вот только к железной дороге он с тех пор относился... ну, скажем так, с некоторым недоверием...

Второй раз он должен был погибнуть на рассвете 22 июня сорок первого года. Когда без четверти четыре утра на заставы 86-го Августовского погранотряда, охранявшего юго-восточный фас Сувалковского выступа, внезапно посыпались немецкие снаряды и мины. Но Александру снова повезло. Его застава была поднята по тревоге еще в полночь из-за сообщений о переходе госграницы немецкими диверсантами, нарушившими проводную связь с комендатурой. Преследование результата не дало, немцы оторвались и ушли обратно, однако в казармы личный состав до самого утра так и не вернулся. Уже гораздо позже Гулькин узнал, что столк-

нулись они с диверсантами из «Бранденбурга-800», активно работавшими на советской территории в течение нескольких предвоенных дней.

Верно истолковав ситуацию, командир заставы отдал приказ занять окопы и огневые точки линии обороны, возведенной за последние недели. Это никого не удивило: еще с позднего вечера 20 июня погранвойска НКВД на западном направлении перешли на особый вариант несения службы³. В дозор выходили только усиленными нарядами с увеличенным носимым боезапасом; обязательным стало ношение защитных касок. Две последние ночи перед началом войны пограничники порой даже спали в форме, не сдавая личное оружие в оружейные комнаты, что еще несколькими неделями назад казалось просто невыносимым. В дзотах и огневых точках открытого типа были загодя установлены станковые пулеметы, боекомплект к которым хранился там же, на позициях. Выдали всем и гранаты, и сухпай на пару дней. Командно-начальствующий состав круглосуточно оставался в расположении, поскольку все увольнительные были отменены, и даже те из командиров, чьи семьи проживали в близлежащих городках, Августове или Граеве, не имели права покидать территории застав.

Ощущение приближения чего-то страшного и неминуемого давило на психику, но люди держались. Не было даже слабого намека на панику – в глубине души большинство бойцов и командиров все же надеялись, что в конечном итоге все закончится благополучно. Ну, а рискнут напасть – получат мощный отпор да кровью умоются. Тем более, провокации с «сопредельной территории» продолжались практически постоянно, а война так и не начиналась. То очередного перебежчика возьмут, то пограничный секрет с той стороны обстреляют, то немецкий самолет-разведчик границу нарушит. Перебежчики все как один утверждали, что немцы вот-вот нападут. Правда, даты называли разные, начиная от конца мая и заканчивая двадцатыми числами июня. Всех их сразу отправляли в город, в Главное управление НКВД, или еще куда повыше.

На стрельбу или оскорбительные выкрики фашистов погранцы не отвечали, четко выполняя недавний приказ «Не поддаваться на провокации». Вражеские же самолеты продолжали барражировать над приграничной полосой с завидным постоянством, словно даже не слышали о таком понятии, как государственная граница. Нет, оно, конечно, понятно, что приказ един для всех, но, глядя на ползущий над головой силуэт очередного высотного разведчика, младлей Гулькин лишь молча скрипел зубами. Да и не только он. Где же наши истребители, где родные сталинские соколы-то? Ладно, сбивать нельзя – так хоть припугнули бы, что ли! Ну, там, пару пулеметных очередей по курсу дали, атаку в хвост сымитировали, мало ли? Но истребители не появлялись, лишь однажды, дня три тому, над заставой пролетела, звеня моторами, тройка лобастых «ишачков», покружила вокруг немца, тут же начавшего набирать недоступную для «И-16» высоту, да и убралась восвояси.

Разумеется, были среди пограничников и те, кто в благоприятный исход не верил, будучи убежденными в скором – буквально со дня на день – начале войны. Впрочем, свое мнение они держали исключительно при себе, дабы не оказаться обвиненными в пораженческих и панических настроениях. Хоть младлей Гулькин к их числу, в общем-то, не относился, на душе Александра тоже было тяжело.

А потом начался ад...

Сначала был артналет, с поистине ювелирной точностью перемешавший с землей казармы, лазарет и оперчасть, оружейную комнату, постройки хоздвора вместе с автогаражом и конюшнями. В этот момент Александр с какой-то особенной остротой осознал, для чего

³ Подобный приказ начальника пограничных войск НКВД БССР генерал-лейтенанта И. А. Богданова и на самом деле был отдан еще 20 июня 1941 года. Во многом именно благодаря этому погранвойскам и удалось дать гитлеровцам столь мощный отпор, существенно задержав продвижение врага в первые дни войны. Согласно первоначальным планам ОКВ, на уничтожение гарнизонов погранзастав отводились считанные минуты, максимум – часы. Пограничники продержались намного дольше. Наиболее известный пример – подвиг гарнизона Брестской крепости, в частности – 9-й заставы лейтенанта Кижеватова.

над головой несколько недель летали немецкие разведчики и чем занимались неоднократно фиксируемые на сопредельной стороне наблюдатели с мощными биноклями и стереотрубами. Немцы стреляли не вслепую, не наобум, все – АБСОЛЮТНО ВСЕ! – цели были загодя разведаны, привязаны к местности и нанесены на огневые карты гаубичных и минометных батарей.

Глядя на поднявшееся за спиной зловещее зарево, пограничники лишь молча сжимали кулаки и скрипели зубами: если б не приказ командира заставы, большинство из них сейчас оказались бы под пылающими руинами. И все же уже в первые минуты войны погибли многие – прежде всего, вольнонаемный персонал, освобожденные от несения службы бойцы, медики и пациенты санчасти, шофера, конюхи и кинологи... все те, кто остался в расположении. Несли потери и занявшие окопы и огневые точки бойцы: глупо было думать, что гитлеровцы не догадываются о расположении позиций рубежа обороны. Но все же основной удар пришелся именно по территории погранзаставы – о том, что большая часть личного состава выведена оттуда еще несколько часов назад, фашисты просто не знали.

Обстрел длился около часа, после чего гитлеровцы сразу перешли в наступление. Будучи уверенными, что окопы и огневые точки пусты. Пришлось их сильно разочаровать. Подпустив фашистов на полторы сотни метров, пограничники встретили врага ружейно-пулеметным огнем. Поскольку еще в начале лета заставу – как и все остальные в округе – успели перевооружить самозарядными «СВТ», плотность залпа вышла впечатляющей: оставив в предполье несколько десятков тел в фельдграу, гитлеровцы откатились на исходную. Перегруппировавшись, они подтянули пулеметы и попробовали еще раз... и еще. Спустя час, убедившись, что с ходу взять непокорную погранзаставу не удастся, фрицы вызвали артподдержку. Погранцы отошли на запасную позицию, где переждали налет, и снова заняли оплывшие от близких попаданий, местами практически засыпанные, воняющие сгоревшей взрывчаткой окопы.

Сколько именно атак они отбили за этот, кажущийся бесконечным день, Сашка точно не знал – сбился со счета после пятой или шестой. Еще и контузило его близким разрывом немецкой мины – бруствер принял на себя осколки, но ударной волной приложило неслабо, даже сознание на несколько секунд потерял. Очнувшись, вытянул за ремень припорошенную землей винтовку, кое-как отчистил от пыли затвор и снова открыл огонь, лоя в прицел двигающихся короткими перебежками фрицев. Впрочем, тогда он их фрицами еще не называл – подобное прозвище услышал гораздо позже и очень далеко отсюда. Кстати, да, именно что винтовку: не с табельным же «ТТ» ему воевать? Весь личный состав был вооружен автоматическим оружием, самозарядками или пистолетами-пулеметами Дегтярева; «трехлинейки» имелись лишь у некоторых бойцов.

На зубах скрипел песок, болели обветренные, почерневшие губы, глаза слезились от пыли и едкого дыма, в голове звенело. Периодически менял позиции, оказывал помощь раненым, кровяня пальцы, вскрывал цинки с патронами, насыпая боеприпасы в каски, карманы или просто подставленные ладони товарищей. Когда «СВТ» окончательно заклинило, подобрал винтовку убитого товарища и снова стрелял. Если гитлеровцы подбирались слишком близко, вместе со всеми швырял гранаты, которых с каждым разом оставалось все меньше и меньше. Им еще повезло, что на этом участке наступление вела исключительно пехота: окажись у немцев танки, все закончилось бы куда быстрее.

Затем, после очередного обстрела, на сей раз минометного, немцы все же взяли перепаканную взрывами первую линию траншей. Немногие уцелевшие пограничники откатились ко второй. Именно в этот момент, помогая тащить раненого, Гулькин впервые взглянул на циферблат чудом уцелевших наручных часов, краем сознания отметив, что до того как-то даже не подумал об этом. Стрелки показывали почти три часа дня. Оказалось, они держались уже почти десять часов. ДЕСЯТЬ, мать их, часов! ДЕСЯТЬ! Одни, без поддержки, против значительно превосходящих сил!

Младший лейтенант не знал, был ли приказ отходить, – рацию разбило прямым попаданием немецкой мины еще утром; вместе с ней погиб и радист, а посыльных к ним то ли не посылали, то ли они просто не добрались живыми. Да никто и не собирался отступать – ждали помощи, ни на секунду не позволяя себе усомниться в том, что ее может и не быть. Единственное, что по-настоящему волновало в тот момент защитников рубежа, – это нехватка боеприпасов. Патроны заканчивались слишком быстро, у большинства бойцов осталось не больше двух-трех магазинов к самозарядной винтовке. Ну, и россыпью, что по подсумкам да карманам наберется.

У тех, кто был вооружен прожорливыми пистолетами-пулеметами, дело обстояло еще хуже – хорошо, если по диску на человека. Пулеметов уцелело всего три – станковый «Максим» с одной неполной лентой, да пара «ДП-27» с тремя дисками на оба ствола. Гранат не осталось ни одной. К этому времени Гулькин, как старший по званию, уже принял командование, возглавив два десятка бойцов, практически все из которых были ранены или контужены. Заняв одну из наименее разрушенных снарядами и минами траншей, пограничники приготовились дать последний бой, самый короткий за этот долгий день. Смерти уже никто не боялся: страх перегорел в душе вместе с другими эмоциями. Все чувства остались там, в довоенном прошлом. Осталось только желание забрать с собой перед смертью еще хотя бы одну из ненавистных фигурок в серо-зеленом мундире и глубокой каске... лишь бы хватило патронов, лишь бы не оглушило близким разрывом...

Но в атаку немцы больше не пошли. Может, получили соответствующий приказ; может, командиры решили, что потери слишком велики. Прижав обороняющихся ружейно-пулеметным огнем, они подтянули к переднему краю минометную батарею и почти час забрасывали позиции непокорных русских минами. После чего сопротивляться стало просто некому...

...Очнулся Гулькин глубокой ночью, ближе к рассвету. Точнее узнать не мог – от часов остался лишь ремешок; куда подевалось все остальное, Сашка не помнил. Но небо на востоке уже потеряло ночную глубину, и звезды померкли, предвещая приближающийся рассвет. Значит, скоро и на самом деле утро. 23 июня...

Застонав, Александр попытался встать, но не смог: ноги, начиная от поясицы, не слушались. На миг накатила липкий, предательский страх: неужели перебило позвоночник и он парализован?! Хреново, если так... Ладно, хоть руки двигаются, застрелиться, если что, сумеет, пистолет-то так и остался в кобуре. Немного успокоившись, попытался снова. На сей раз удалось приподняться, опершись локтями в землю. С заскорузлой от пота гимнастерки с легким шорохом стекали потоки иссушенной летним зноем глины, невесомая пыль забивалась в ноздри, вызывая мучительный кашель. Но кашлять нельзя, никак нельзя, опасно, вдруг немцы рядом! Шевельнул правой ногой. Получилось. Да он ведь просто засыпан в траншее близким взрывом! Ну, да, точно, перед тем как отрубился, рядышком и рвануло! Повезло, что верхняя часть туловища не под землей и руки свободны, так что ничего, откапается понемногу.

Спустя пару минут младший лейтенант выбрался из оплывшего окопа. Стоя на коленях, несколько раз провел ладонями по коротко стриженной голове, вытряхивая из волос глину, и огляделся, с трудом различая в сером предрассветном сумраке детали. Перекопанная минами позиция была мертва. Ни звука, ни движения, лишь где-то на востоке негромко погромыхивает редкая канонада. Убедившись, что противника поблизости не наблюдается, пограничник, пошатываясь от слабости и борясь с периодически накатывающей тошнотой, прошелся вдоль траншеи, тщетно надеясь отыскать раненых. Но живых не было. Большинство товарищей, судя по всему, погибло при обстреле; остальных добила ворвавшаяся на позицию фашисты. Младлей не был в подобном большом специалистом, но отличить пулевое или осколочное ранение от удара штыком мог. Раненых добивали ударами штыков в грудь или шею, реже – выстрелом в голову. Видимо, патроны берегли, сволочи...

Похоже, младший лейтенант пограничных войск НКВД Александр Гулькин оказался единственным выжившим. Попросту повезло: присыпанного землей Сашку немцы сочли погибшим, решив не проверять, так ли оно на самом деле.

Полчаса ползал по изрытой минами земле, разыскивая хоть какое-то оружие. Нашел несколько искореженных взрывами винтовок и разбитый в хлам «ДП-27» с двумя пустыми дисками, пробитыми осколками. Не то. Возможно, кто-то из товарищей все же уцелел, унеся оружие с собой; возможно, целые стволы забрали немецкие трофейщики. Обидно, с пистолетом и парой запасных магазинов к нему много не навоюешь. А в том, что он собирается именно воевать, Гулькин не сомневался ни секунды. Он – пограничник, и с поста его никто не снимал. Приказа на отступление не было! А защищать границу можно по-разному. И в разных местах. Чем больше немцев перебьет, тем лучше ее, ту самую границу, и защитит...

Уже когда собрался уходить в лес, повезло: откопал чей-то «ППД-40». Приклад, правда, был расщеплен осколком, но стрелять вроде бы можно. В диске оставалось еще с полтора десятка патронов – уже кое-что. На пару секунд боя хватит.

Невесело усмехнувшись, Гулькин оглядел место, где приняла последний бой его застава, пытаюсь запомнить все до мелочей. Они вернутся сюда, обязательно вернутся! Даже расплесканная взрывами земля не успеет залечить свои раны, а они уже вернутся. Со всеми почестями похоронят павших. Дадут над их могилами залп памяти. А затем неудержимым стальным потоком покатают на запад, туда, за госграницу. Чтобы покарать вероломных захватчиков, посягнувших на самое святое, на священную русскую землю! В тот миг он и на самом деле ни на мгновение в этом не сомневался...

В тылу врага младлей пробыл недолго. К обеду встретился в лесу с пятью бойцами из родного Августовского погранотряда, так же, как и он, выходящими из окружения. Поскольку Александр оказался старшим по званию, снова принял командование. Двое суток пограничники шли к линии фронта, с пугающей быстротой откатывающейся на восток. Пока не встретились 25 июня с отступающими частями советской стрелковой дивизии, вместе с которыми и вышли к своим. На временном «фильтре» его особенно не терзали: лейтенант ГБ с покрасневшими от хронического недосыпа глазами лишь зафиксировал показания, буркнув: «Спасибо, товарищ младший лейтенант, обождите на улице. Про вашу заставу я в курсе, героически сражались. Хорошо, что с оружием вышли, все меньше вопросов будет. Скоро придет машина, отправитесь в тыл, там решат».

«В тылу» действительно решили быстро: немолодой командир без знаков различия на отворотах гимнастерки и рукавах, то ли случайно, то ли нет оказавшийся в нужном месте и в нужное время, пробежал глазами содержимое тощей папочки, взглянул в глаза Александра холодными, словно лед, глазами и буркнул:

– Единственный выживший? Интересно, коль не врешь. Мы проверим, ты не думай, хорошо проверим. Если соврал – пожалеешь, что на свет народился, точно говорю. Жди здесь, через несколько минут выезжаем. Еще парочку твоих товарищей приведу – и вперед.

От этого взгляда и равнодушного тона странного краскома Сашке неожиданно стало холодно в груди и неприятно засосало под ложечкой. Но он сдержался, разумеется. И стоял, чуть ли не по стойке смирно, пока тот не вернулся вместе с еще двумя пограничниками, Гулькину незнакомыми.

С некоторым удивлением взглянув на младлея, командир хмыкнул, изобразив на лице нечто похожее на улыбку:

– Вообще-то, вольно. Ну, да и хрен с тобой, стойкий оловянный солдатик. Ладно, вон полторка стоит, видите? Грузитесь, отчаливаем... – Помедлив, коротко бросил: – Как там тебя, Гулькин, что ли?

– Так точно.

– Задержись. На твоей заставе боец служил, старшина Растров. Знаком?

– Так точно, пулеметчиком был.

– Что о нем знаешь?

Сашка помедлил, прежде чем ответить. Вспоминал. Как тащил Серегу с перебитыми ногами, понимая, что жить товарищу осталось от силы несколько минут. И как тот, уже умирая, протянул окровавленную ладонь, прохрипев: «Возьми, лейтенант, родным отдашь».

– Погиб. Геройски. В неравной схватке с немецко-фашистскими захватчиками. Вот, родным просил передать... наверное, вам?

Пошарив в кармане драной, в нескольких местах прожженной гимнастерки – и в какой-то миг внутренне ужаснувшись, неужели потерял?! – Александр отдал собеседнику несколько слипшихся, бурых от засохшей крови бумажных листочков и фотокарточек.

– Наверное, мне... – эхом пробормотал тот, на секунду меняясь в лице. – Спасибо, лейтенант. Лезь в машину, скоро едем.

Забираясь в кузов бортового грузовика, Гулькин незаметно оглянулся. Непонятный командир, коротко коснувшись губами слипшихся документов, бережно убрал их в нагрудный карман и застегнул его, пригладив клапан ладонью. Младший лейтенант торопливо отвернулся, не желая его смущать – и так лишнее увидел. Интересно, кем ему Серега приходится... ну, то есть приходился? Сыном, наверное...

Глава 2

Подмосковье. Тренировочный лагерь УОО⁴ НКВД СССР. Сентябрь 1941 года

Судьба младшего лейтенанта Гулькина решилась еще в начале июля: выдержав все положенные проверки и потратив на подробные рапорты о событиях первых дней войны кучу казенной бумаги, чернил и нервов – сроду столько писать не приходилось, даже в школе, – Александр стал курсантом специальных курсов при Управлении особых отделов. Среди сокурсников оказалось много пограничников, в основном, так же как и он, вышедших из окружения. Но были и простые красноармейцы, и физкультурники, главным образом разрядники по стрельбе, самбо или прыжкам с парашютом, и бывшие сотрудники органов: Сашка так и не понял, имелся ли некий общий критерий отбора или людей подбирали, исходя исключительно из личных качеств и умений. К немалому удивлению младшего лейтенанта, повстречал он и бойцов из 214-й воздушно-десантной бригады 4-го ВДК⁵. В летних сражениях работы «по специальности» для парашютистов практически не имелось, тактические десанты в тыл противника хоть периодически и проводились, но были редкостью, и их порой задействовали в боях в качестве стрелковых подразделений. С весьма неплохими результатами, кстати.

Впрочем, кое-что объединяло всех: состояние здоровья. Медкомиссия была даже не строгой – жесточайшей. На курсы набирали только тех, у кого медики не нашли ни малейших отклонений от нормы. Балующимся табаком настоятельно рекомендовали избавиться от вредной привычки. Собственно говоря, после начала ежедневных тренировок любители подымять быстро забывали про курево, просто не выдерживая заданных нагрузок. Или покидали лагерь, отправляясь в действующую армию, на фронт. Поступающие откуда сводки, увы, совсем не радовали. Судя по скудным сообщениям Совинформбюро – и куда более развернутой информации с грифом ДСП, которую до курсантов доводили на политинформации каждые несколько дней, после фактического проигрыша приграничного сражения положение на фронтах оставалось крайне тяжелым. В конце июля пал Смоленск, и войска Западного фронта перешли к обороне, всеми силами задерживая продвижение врага к Москве. Тяжелые бои шли под Ленинградом, оказавшимся в кольце вражеских войск. Положение Киева и вовсе было угрожающим; особых сомнений в том, что город на Днепре скоро будет захвачен гитлеровцами, уже ни у кого не оставалось. На юге героически оборонялась Одесса; фашисты рвались в Крым, имеющий стратегическое значение как главная база Черноморского флота и советской бомбардировочной авиации...

Но, несмотря на тяжелое положение на фронтах, лагерь жил своей жизнью, основу которой составляли, разумеется, тренировки. Подъем в половине седьмого, отбой – в десять. Все остальное время занимали теоретические занятия и практика. Планируемый срок обучения – пять месяцев, однако командование сразу предупредило, что в зависимости от положения на фронте он может быть сокращен до трех-четырех. Главный уклон, как сразу же убедился Гулькин, делался именно на практику. За исключением приема пищи и недолгого – лишь привести себя в порядок да письмо родным, если имеются, написать – личного времени. Гоняли

⁴ УОО – Управление особых отделов. Орган военной контрразведки СССР в 1941–1943 годах. Весной 1943 года на базе УОО было создано главное управление КР «Смерш» НКО (начальник – комиссар 2-го ранга ГБ Абакумов), управление КР «Смерш» ВМФ (комиссар ГБ Гладков) и отдел КР «Смерш» НКВД (комиссар ГБ Юхимович). Первое подчинялось напрямую Сталину, второе – адмиралу Кузнецову, третье – Берии.

⁵ ВДК – воздушно-десантный корпус. В июне 1941 года 4-й ВДК входил в состав Белорусского особого ВО. Состоял из трех бригад – 7, 8 и 214-й.

их серьезно. В смысле, учили. Помимо лекций и семинаров, занимающих не столь много времени, преподавалась стрельба из любых видов оружия, от пистолета и револьвера до крупнокалиберных пулеметов, минно-взрывное дело, рукопашка, ножевой бой. Парашютная подготовка (первое время – в теории) и радиодело (азы уровня «прием-передача»). Ориентирование на местности и работа с топографическими картами. Оперативная подготовка, расследование и ведение допросов. Вождение автотранспорта и легкой бронетехники, для чего на территории тренировочной базы имелось несколько автомобилей и броневиков как наших, так и трофейных. Маскировка на местности с использованием подручных средств и организация засад. Ну и, разумеется, изучение языка противника. От последних занятий Александр был освобожден, но, видимо, чтобы шибко не расслаблялся, тут же прикреплен к «плавающим» в немецком товарищам в качестве «паровоза».

Разумеется, имелись среди курсантов и представительницы слабого пола. Правда, девушки, из которых в основном готовили радисток и шифровальщиц, размещались отдельно, пересекаясь с парнями лишь изредка, то на стрельбище, то в спортгородке. Личные контакты и знакомства командованием хоть прямо и не запрещались, но категорически не приветствовались. Как кратко и жестко объяснил куратор группы Александра, подтянутый мужик лет сорока, настоящего имени и фамилии которого не знал никто, только непонятный и определенно не соответствующий реальному возрасту оперативный псевдоним «Старик»:

– Поймите, мужики, радист особой группы – носитель военной тайны высшего уровня. Он знает шифры, позывные, особенности работы на ключе, алгоритмы шифрования – и все такое прочее. В плен ему никак нельзя. Ни живым, ни раненым. Только мертвым, да и то нежелательно. И наши девчонки это отлично понимают. При малейшей угрозе захвата они ОБЯЗАНЫ подобное предотвратить. Любой ценой. Уничтожить рацию, шифроблокнот... и оставить для себя последний патрон или гранату. Это не жестокость, а вынужденная необходимость; это – цена нашей будущей победы! Просто представьте себе, ЧТО сделают немцы с этими девочками, если они попадут к ним в лапы! А они при этом не остановятся ни перед чем, поверьте. На следующем занятии я покажу вам фотографии. Эти кадры никогда не попадут в советские газеты или журналы, потому что есть вещи, которые не должен видеть никто. ВЫ – ДОЛЖНЫ. Видеть и помнить. Чтобы лучше понять, какие нелюди пришли на нашу землю и что они на ней творят! Поэтому никаких личных привязанностей, никаких чувств, никаких шур-мур. Война жестока, но даже на войне бывает место любви. Но в нашей с вами войне – нет. У нас своя война, особенная. Обдумайте мои слова и сделайте соответствующие выводы. Вот победим – тогда и чувствам своим дадим волю. А пока – нельзя. Все, тема закрыта раз и навсегда. Это ясно? Вопросы?

Разумеется, никаких вопросов не имелось, вообще ни единого. Курсанты просто не ожидали подобной *прямоты*. Почти все из них уже успели повоевать, видели смерть и кровь, убивали сами и теряли боевых товарищей, познали горечь поражений первых месяцев этой страшной войны. Но от слов куратора веяло таким холодом... и с трудом сдерживаемой болью, что казалось просто невыносимым задавать какие-то вопросы...

«Старик» лишь невесело ухмыльнулся, отчего лицо его, изуродованное длинным, на всю щеку, ветвистым шрамом, на миг приобрело зловещее выражение, словно у канонического пирата из приключенческих книжек:

– Не мы начали эту войну, но нам ее заканчивать, больше некому. Потерпите, мужики, налюбитеесь еще. Столько людей гибнет... любовь нам всем еще ох как понадобится. Все, коль вопросов не имеется, разойдись.

* * *

Уже на первых тренировках по стрельбе Гулькин, к своему удивлению, понял, что бывшие умения, по меркам спецкурсов, практически ничего не стоят. Это раньше он считался лучшим стрелком заставы и вторым по меткости во всем погранотряде. Сейчас же оказалось, что для будущих бойцов отрядов особого назначения навык точной стрельбы из «трехлинейки» с места в неподвижную мишень не важен. Выбив при стрельбе с колена девять из десяти, Александр собрался было выслушать от инструктора если не благодарность, то хотя бы слова одобрения, но тот лишь равнодушно пожал плечами:

– Неплохо, глаз меткий, рука твердая... Оружие перезарядить, приготовиться к ведению огня.

Дождавшись, когда младший лейтенант изготовит винтовку к бою, бросил:

– Готов?

– Так точно.

– Уверен?

– Э... да.

– Так стреляй, вот твой противник, – инструктор неожиданно швырнул вперед и вверх собственную фуражку.

Потеряв долю секунды, Сашка дернул ствол, но импровизированная мишень уже плюхнулась в пыль в десятке метров перед огневой позицией. Даже на спуск нажать не успел.

– Понял?

– Н... никак нет.

– Ты ж воевал, насколько знаю? Еще в самый первый день? Много немцев в том бою подстрелил?

– Ну, – замялся младлей, – порядочно. Человек десять-пятнадцать – точно. Хотя, возможно, и больше. У меня самозарядная винтовка была, у нее скорострельность высокая. Кого-то ранил, кого-то и вовсе того... как там разберешь? Видел, когда падали. Кто-то потом еще двигался, кто-то нет.

– Прилично, – не без уважения в голосе хмыкнул инструктор. – Но стрелял ты из окопа или ячейки, так? Лежа или стоя, имея пусть минимальное время прикинуть упреждение и все такое прочее?

– Так точно, – ответил Гулькин, еще не до конца понимая, к чему тот клонит.

– Видишь ли, наша специфика... – Инструктор на миг замялся. – Гм, лейтенант, тебе это слово знакомо?

– Да. Означает особенность, ну или как-то так.

– Добро. Так вот, нам стрелять с дистанции, как правило, не приходится. За исключением снайперов, понятно. Но снайперы к вам особого отношения не имеют, у них своя задача, у вас своя. Огневой контакт будет коротким и на близком расстоянии. А чем ближе противник, тем порой труднее в него попасть. Это азы. Ну, или физика, если угодно. На дистанции ему, чтобы десяток метров пробежать, несколько секунд нужно, а тебе – только ствол чуток повернуть. Кроме того, стрелять придется в движении; причем двигаться будете оба, и ты, и враг. Времени на прицеливание у тебя, скорее всего, просто не останется. Поэтому про свои замечательные – я не шучу, кстати, стреляешь ты отлично – навыки нужно пока забыть. Теперь твое оружие – пистолет, револьвер, максимум автомат. Винтовка или карабин – не для вас. Да, и еще одно: стрелять не всегда придется на поражение, скорее наоборот, чтобы ранить, но не убить. Но ранить так, чтобы он и не помер, и не сумел оказывать дальнейшее сопротивление. А это совсем не так просто, как кажется. Когда начнем тренироваться всерьез, поймешь.

Не оборачиваясь, инструктор мотнул головой в сторону стрелкового поля.

– Все эти фанерки с кружочками и циферками – так, глупости. Проверить первоначальный навык. Хотя у вас и так почти все нормально стреляют, иначе бы сюда просто не попали. Я же научу вас стрелять совсем иначе – и по совершенно другим мишеням. Враг стоять и ждать, когда ты прицелишься да в него попадешь, не станет. И, более того, тут же начнет лупить в ответ. Причем сразу на поражение, ему-то тебя в плен брать не нужно. И не факт, что его хуже учили, вовсе не факт. Поэтому вот тебе первый совет: всегда считай, что он стреляет ЛУЧШЕ, тогда выживешь и победишь. Недооценил противника, поставил себя выше его – труп. Пока все понятно?

– Так точно, понятно.

– Тогда продолжим. Тебе что привычнее, «ТТ», «наган»?

– «Токарев», пожалуй. Он у меня штатным оружием был. Хотя в стрелковом кружке как раз из револьвера стрелял. Ну, до войны, в смысле, в ОСОАВИАХИМе.

– Револьвер в нашем деле порой бывает предпочтительнее пистолета. Прежде всего тем, что гильз не оставляет, а это следы. Плюс при осечке не нужно затвор дергать, бракованный патрон выбрасывать, достаточно просто еще раз на спуск нажать. А убойная сила и останавливающее действие пули практически одинаковые. Опять же на него глушитель можно легко приспособить, вещь надежная, проверенная временем. Но не всегда – например, у «нагана» более тугой и длинный ход спускового крючка. Так что пока начнем с «ТТ», с трофейным оружием тебе пока рановато работать. Бери, вон он, на столе, магазин снаряжен. Попробуем еще раз. Сначала постарайся просто поразить цель в движении, а потом и до подвижной мишени дойдем. Погляжу, на что ты способен...

* * *

Все инструкторы УОО были чем-то неувовимо похожи друг на друга. Примерно одного возраста, как правило, за сорок лет или около того, с выправкой профессиональных военных. Немногословные, но всегда отвечающие на вопросы курсантов. Разумеется, исключительно на те, что не выходили за рамки преподаваемого предмета. Всегда подчеркнута вежливые, не допускавшие ни малейшего панибратства, хоть на «ты», когда это требовалось для дела, переходили с легкостью. Разношенная форма без знаков различия сидела на них идеально и выглядела с иголочки в любых условиях, хоть утром, хоть под конец учебного дня.

Их настоящих имен никто из курсантов не знал, только псевдонимы, и младший лейтенант догадывался отчего: все эти люди наверняка были сотрудниками органов буквально с первых дней их существования. А может, и раньше, ага. Даже в его родном погранотряде служило несколько бывших офицеров Отдельного корпуса пограничной стражи, да и в армии *бывших* более чем хватало. И просто офицеров старой русской армии, и ветеранов империалистической, главное, докажи свою верность социалистической Родине – и служи себе. Коль честно свой долг станешь исполнять, никто старое не помянет. Да и о чем тут вообще можно говорить, если даже такие прославленные краскомы, как Рокоссовский, Тимошенко, Жуков – да хоть сам товарищ Буденный, – еще при свергнутом царе служить начинали!

Единственным, кто несколько выбивался из ряда преподавателей спецкурсов, оказался инструктор по рукопашному бою. Звали его «Корнем», но этот странноватый, на первый взгляд, псевдоним ему определенно подходил. Был он не слишком высоким, но крепким и жестким, что наводило на мысль о мужицких корнях. Глубоко посаженные глаза глядели насмешливо и одновременно жестко. Наверное, с Кубани откуда-нибудь, из потомственных казаков. Может, даже из тех самых знаменитых пластунов-разведчиков, о которых Гулькин много чего слышал, но ни разу в жизни не видел.

Но самым удивительным казалась его способность передвигаться: внешне массивный и неуклюжий, вроде бы даже немного косолапящий при ходьбе, он чем-то неувовимо походил на

медведя. Однако движения его при этом были плавными, почти незаметными взгляду, словно бы перетекающими одно в другое. Да и ходил он абсолютно бесшумно, словно настоящий хозяин тайги – будто и не приспособленные в голенищах гармошкой сапоги на ногах, а самые настоящие медвежьи лапы с мягкими подушечками...

Оглядев выстроившихся в шеренгу курсантов, Корень заложил большие пальцы рук за поясной ремень и покачался с пятки на носок:

– Как меня зовут, вы знаете. Буду обучать вас борьбе. Нашей, русской, о которой вражина не знает. А если и знает, то пользоваться не умеет. Кое-чему вас всех учили, но теперь вы о своих умениях забудете, чтобы новым знаниям, стало быть, не мешало. Сейчас, ежели никто не против, поглядим, кто чего умеет.

Инструктор оглядел бойцов, задержав взгляд на Гулькине, и лениво бросил:

– Шаг вперед.

Младлей шагнул из строя.

Инструктор прошел еще несколько метров, выбирая новую «жертву». Выбрал:

– Шаг вперед.

Несколько секунд буравил обоих глазами, затем задал вопрос:

– Самозащиту без оружия изучали?

– Так точно.

– По Спиридонову или Галковскому? – уточнил Корень, имея в виду авторов наставлений РККА по рукопашному бою⁶.

Курсанты быстро переглянулись, не сговариваясь, ответив:

– Вроде по Галковскому, товарищ командир.

– Добро. Ну что ж, бойцы, покажите, чему вас в армии учили. Гимнастерки долой, ремни тоже, обувь по желанию. Цель – победить противника. Не увечить, промеж ног не бить, по глазам и горлу ударов не наносить, других подлых приемов не применять, до этого мы еще дойдем. Но бить всерьез, по-настоящему, чтобы до крови. Ну, готовы?

– Так точно.

– Работайте. Остальным смотреть со всем вниманием. Потом и до вас очередь дойдет. Сегодня у всех лица слегонца помятыми будут, это уж точно. Начали!

Александр бросил на застывшего в двух метрах противника короткий взгляд, быстро, как учили, срисовывая и анализируя детали. Примерно его роста и комплекции, самое обычное лицо, не за что и зацепиться. Напряжен, не знает, с чего начать, ожидает подвоха – как, собственно, и сам Гулькин. Судя по положению рук, правша, опорная нога тоже правая. Чуть прикусил нижнюю губу – волнуется...

– Ну, и чего в гляделки играете? – добродушно подбодрил Корень. – Германцу тоже станете перед схваткой глазки строить, словно бабе понравившейся? Начали, я сказал! Пять минут у вас.

Бить боевого товарища, вполне вероятно, такого же погранца, как он сам, Гулькину казалось невыносимым. Он же не немец, не фашист?! Но и не бить тоже нельзя, вот в чем загвоздка... Разумеется, когда Сашка проходил подготовку для службы в погранвойсках, он не раз участвовал в учебных поединках. Но тогда это было... как-то иначе. Провел пару-тройку заученных приемов, завалил противника на пыльный мат – и все. Сейчас же от них определенно ожидали чего-то совсем другого.

– Ну, давай, что ль, первым, братишка, – едва слышно пробормотал противник.

⁶ В описываемый период в РККА имелось как минимум два наставления по рукопашному бою: «Руководство самозащиты без оружия по системе джиу-джитсу» В. А. Спиридонова 1927 года и «Наставление по рукопашному бою» 1938 года Н. М. Галковского (НПРБ-38). Представленная в них методика была достаточно специфичной, рассчитанной в основном на обезоруживание и захват противника с минимумом ударной техники. Что вполне соответствовало специфике НКВД и пограничных частей, когда врага желательно задержать живым, а не уничтожить.

– А чего это я?! – возмутился Сашка. И, мгновение поколебавшись, несильно толкнул того в грудь. Без особого напряжения отбил вялый удар в скулу, ответил, стараясь не переусердствовать. Кулак скользнул по лицу, даже кожу на костяшках не ожгло. Несколько секунд курсанты топтались на месте, бестолково толкаясь и пробуя друг на друге запомнившиеся приемы той борьбы, которой их некогда обучали. Пару раз Александру почти удалось провести локтевой захват, пытаясь взять соперника на удушающий прием, но тот вывернулся. Попытавшись в ответ подбить его ногу и опрокинуть, что ему тоже не удалось, хоть оба и упали. Загиб руки за спину и бросок через бедро тоже не особенно удались – уровень подготовки у обоих оказался приблизительно одинаковым.

А затем рядом возник инструктор, плавным движением ввинтившийся между ними:

– Совсем охренели, бойцы? Так бабу свою учить станете, ежели изменит да от соседа понесет. Если супротив вас настоящий германский диверсант будет, оба трупы! Или, может, тут кинофильму снимают, а я не в курсе?

И, внезапно изменившись в лице, ухватил Гулькина за плечо оказавшейся неожиданно сильной рукой. Швырнул его на противника, едва не сбив того с ног:

– Он – немец, фашист, он убил твою семью! Бомбой, снарядом, пулей, штыком! Танком раздавил! Убей его! Или сдайся! Прямо сейчас выбор делай, победить или сдаться! Ты товарищей хоронил? Он их убил!

Пудовый кулак Корня врезался под дых, сбивая дыхание.

– Не я ударил, он! Бей! Бей в ответ или сдохнешь! Тебе тоже помочь?!

– Нет, – противник рванулся вперед, атакуя. От удара кулаком в глазах сверкнули, невзирая на белый день, искры, в голове на миг потемнело. А локоть противника уже вминал ребра. На краткий миг накатила обида – мол, как же так, своего бить?! – и Сашка разозлился по-настоящему. Вспомнил тот бесконечный день двадцать второго июня. Представил, как немецкие пули сочно чпокали, входя в тела его друзей. Как он стаскивал в окоп разорванное взрывом тело сержанта Карева, а следом волочили его облепленные комьями глины серовато-розовые кишки. Как накатывала радость, когда в прицеле «СВТ» падал и уже больше не поднимался очередной силуэт. Как тухло воняла сгоревшим тротилом расплесканная земля, бурая и скользкая от крови. И в ноздри лез ее железистый, острый запах.

– Н-на, сука, н-на! Получи!

Он пропускал удары и наносил их. В голове звенело. Подбородку было тепло, во рту – солоно, вместо дыхания вырывался сдавленный хрип вперемежку с ругательствами. Когда оба повалились на траву, продолжая иссупленно мутузить друг друга, инструктор без особого труда раскидал их в стороны:

– Достаточно. Ишь, как сцепились, чисто коты мартовские! Встать!

Дождавшись, когда оба выполнят приказ и, пошатываясь, поднимутся на ноги, хмыкнул:

– Ну, боевую злость вы вызвать сумели. Но и только. Поскольку техники боя практически никакой. Самоконтроля – вовсе ноль без палочки. Чуть планка упала – и все, чисто деревенская драка. Грубая работа, очень грубая, никуда не годится. Вы совершили типичнейшую ошибку, полностью поддавшись этой самой злости и решив победить любой ценой. А в нашем деле на первом месте именно самоконтроль и холодная голова, это пусть германцы злостью исходят. Потому все запомните первое правило, накрепко запомните: в схватке никаким эмоциям места нет! Вообще нет! Выигрывает тот, кто с первой и до последней секунды себя контролирует. Иначе – ошибка и смерть. Не нужно страстно желать любой ценой одержать победу – нужно хладнокровно и технически победить противника. Использовать в своих целях его промахи, заставить совершить ошибку, обмануть. Но самое главное – с начала до конца держать бой под полным контролем. Что бы ни случилось, держать под полным контролем! Ничего, поработаем над этим. Плотненько поработаем, а то еще перебьете друг дружку, немец только спасибо скажет. И еще запомните: чтобы такой, с позволения сказать, «бой» я видел в последний

раз. Понятно? Остальным тоже? Добро. Вон в сторонке ведро с водой, умойтесь, в порядок себя приведите.

И, потеряв интерес к потрепанным курсантам с разбитыми в кровь лицами, кивнул двум очередным «счастливым»:

– Теперь ты и вон ты. Шаг вперед. Гимнастерки и ремни – долой. Что делать – знаете, видели. Чего не стоит делать – слышали. А кто прослушал, того придется наказать. Покажите мне *другой* бой. Вперед...

– Полей, – Сашка шумно умылся и высморкался под ноги. Потрогал рукой зудящую челюсть. Вроде бы не сломана, просто ушиб. Но ссадина наверняка вышла здоровенная, аж вся щека огнем горит.

– Спасибо, братишка. Моя очередь, давай помогу. Не шибко я тебя? Без обид? Как звать-то?

– Да нормально, какие уж тут обиды, – угрюмо буркнул бывший «противник», стягивая кое-где заляпанную кровью, изгвазданную глиной и раздавленной травой нижнюю рубашку и подставляя грязные ладони под струю воды. С полминуты он умывался, отплевываясь, затем вытерся той же самой рубахой, вывернув ее наизнанку – все равно теперь не наденешь, стирать придется. Взглянул на товарища по несчастью:

– А звать меня Костя. Паршин фамилия. Ломжинский погранотряд, семнадцатая застава, младший лейтенант.

– Коллега, значит, – усмехнулся разбитыми губами Александр, представляясь в ответ. – Я отчего-то так сразу и подумал. Ну, стало быть, будем знакомы, товарищ младший лейтенант.

– Будем, товарищ младший лейтенант. Хотя какие тут у нас звания... Вот отучимся, глядишь, и новые петлицы получим.

Пограничники крепко пожали друг другу руки, закрепляя столь неожиданно начавшееся знакомство. Ни тот ни другой пока еще не знали, что военная судьба свела их надолго, если не навсегда...

Глава 3

Подмосковье. Тренировочный лагерь УОО НКВД СССР. Ноябрь 1941 года

Лагерь жил своей жизнью, вчерашние красноармейцы, пограничники и милиционеры постепенно превращались в бойцов особого назначения, элиту советской контрразведки. Как сказал на одном из вечерних построений начальник спецкурсов, которого курсанты знали под псевдонимом «Первый»:

«Запомните, товарищи бойцы, в нашей армии и органах все равны. Советское командование одинаково ценит каждого бойца, сражающегося за свободу и независимость нашей Родины, за освобождение ее от ига немецко-фашистских оккупантов и их европейских прислужников. Но вы – особый случай. Вас готовят так, чтобы каждый из вас стоил в бою не одного, не двух фашистов, а десятка. Идет война, которую товарищ Сталин по праву назвал Великой Отечественной. И каждый советский человек – солдат этой войны. И тот, кто сдерживает натиск вражеских полчищ на передовой, и тот, кто кует в тылу оружие нашей грядущей победы, терпя лишения и голод, и тот, кто партизанил за линией фронта. Но есть и еще одна война; война тайная, о которой не пишут в газетах и не снимают кинолент. Наша с вами война. И вы ее первые и последние солдаты. Уже совсем скоро вам предстоит встретиться в бою с теми, кто считает себя лучшими и непобедимыми, элитой германской армии и разведки. Ваш противник – немецкие разведчики, диверсанты, шпионы. Они прекрасно подготовлены, но мы готовим вас еще лучше. Они думают, что им нет равных, но уже совсем скоро вы докажете, как глубоко они ошибались...»

За месяцы обучения их и на самом деле научили многому. Еще летом Александр даже представить себе не мог, на что способно его тело даже без оружия. А уж с оружием-то и подавно. Практически все курсанты отлично стреляли – навскидку, в движении, в условиях плохого освещения; хотя находились и уникалы, без оптики укладывающие все пули серии выстрелов не просто в мишень, а в строго определенную ее точку – голову, конечности или места расположения жизненно важных органов.

Они умели пользоваться любым холодным оружием и приемами рукопашного боя, который весьма сложно было бы отнести к какому-то одному конкретному стилю. Точнее, это был причудливый сплав сразу нескольких боевых методик, практически исключая грубые и мощные «прямые» удары. Их учили работать *плавно и мягко*, используя энергию противника против него самого. К удивлению бойцов оказалось, что кулаки и ступни – не самое главное в бою: работали в основном предплечьем, плечом, бедром, коленом, даже всем корпусом. Прочитать маневр противника, в последний миг пропустить его мимо себя, провести короткий, практически незаметный взгляду прием, лишая врага устойчивости, опрокидывая или выбивая из руки оружие. И следом, продолжая начатое движение, добить двумя-тремя отточенными, экономными ударами. Или взять на болевой, которых, как оказалось, имелось превеликое множество. Ну, и так далее...

Упор при обучении ножевому бою делался в основном на «НА-40» – «нож армейский образца 1940 года» – основную модель, массово поступившую в войска в сорок первом году. Из объяснений инструктора Александр узнал, что этот клинок приняли на вооружение РККА после недавней войны с белофиннами, где противник успешно использовал в ближнем бою ножи «пуукко», более известные в народе, как «финка». В принципе, подобные ножи существовали и раньше, к примеру, части НКВД вооружали «ножами норвежского типа» еще с 1935 года, но «НА-40» кое в чем от них отличался. Особенно востребованным он был в под-

разделениях фронтовой разведки и автоматчиков, которым, по понятным причинам, штыков не полагалось. Узкое пятнадцатисантиметровое лезвие со скосом обуха типа «щучка» (против двенадцати сантиметров с практически прямым обухом у «финки НКВД»), деревянная рукоять и S-образная гарда, загнутая со стороны лезвия не к рукояти, а в противоположную сторону. Такая необычность стала понятна на первых же занятиях, поскольку способствовала нанесению двух базовых ударов – снизу вверх в корпус при прямом хвате и сверху вниз в шею при обратном. Впрочем, уже через несколько недель бойцы обучились еще множеству хитрых ударов, равно как и искусству метания в цель всего, что вообще способно втыкаться, от ножа или штыка до малой пехотной лопатки, саперного тесака или плотницкого топора. А заодно получили негласное добро на переделку стандартной рукоятки под свою руку, благо в лагере имелись и собственные мастерские. В личное время, разумеется, как иначе?

Обучали их и навыкам проведения экспресс-допросов в полевых условиях, на местном жаргоне называемых «экстренным потрошением», поскольку времени на транспортировку особо ценного пленного могло и не быть, и следовало уметь получить достоверную информацию немедленно, передав ее по радио. Кое-что из этих новых умений немного шокировало, кое-что воспринималось как само собой разумеющееся. Да и жалеть противника, равно как и видеть в нем *человека*, их отучили практически сразу. На одном из занятий Старик, курировавший Сашкину группу, показал всем обещанные фотографии, просмотрев которые практически все испытали настоящий шок. Да, многие из курсантов воевали, кто-то – не только на этой войне. Видели и кровь, и разорванные в клочья тела как своих товарищей, так и врагов. Но никто даже представить себе не мог, что человек, пусть даже и обряженный в фельдграу, форму подразделений СС или набранный из местных предателей полицией, способен творить столь чудовищные злодеяния.

Шагающий между рядами парт Старик ровным, лишенным всяких эмоций, голосом комментировал розданные курсантам жуткие фотокарточки:

– Смотрите, запоминайте. На всю жизнь запоминайте. Здесь нет ни одного постановочного фото. Все, что вы видите, задокументировано под протокол в присутствии свидетелей. И настанет срок, каждый из тех, кто это сделал, будет покаран по всей строгости закона. Если, конечно, доживет. В чем я лично сомневаюсь.

– Но, товарищ инструктор, – подал голос один из курсантов. – Как же это можно, девчонк-то... ну, это самое? Снасиловать? Совсем же малолетки!

– Вероятно, они считают, что ИМ – можно. Всех остальных жителей этой деревни, в основном женщин, детей малого возраста и стариков, заперли в сарае и сожгли. А самых молодых женщин и девочек-подростков после совершения надругательства оставили для устрашения. Все они умерли от кровотечений и разрывов половых органов. А вот этим женщинам и девушкам выкололи глаза, отрезали груди и вырезали на коже пятиконечные звезды. При этом все они еще были живы. Так фашисты решили их... наказать за то, что прятали раненых красноармейцев. Кроме того, у одной из них нашли при себе комсомольский билет. Вы видели, куда они его прикололи штыком.

– А госпиталь? – спросил другой боец. – Нельзя же такое, Красный Крест ведь?

– Для них это были не раненые, а враги. Там есть еще фотографии разбомбленных эшелонов с беженцами и ранеными. Фашистские летчики использовали знаки Красного Креста на крышах как мишени для бомбометания. Так было легче прицеливаться.

Несколько минут в учебном классе царило молчание, лишь легонько шуршали передаваемые курсантами друг другу фотокарточки. Затем снова заговорил куратор:

– Обратите особое внимание на вот эти фотографии. Тех, кто ехал в этом эшелоне, не расстреливали, не мучили и не сжигали. Их давили танками. В основном детей, женщин и раненых. Живыми. Под стволами пулеметов уложили на землю и давили гусеницами. Это тоже запротоколировано. Все – правда. Запомнили?

Класс угрюмо молчал. Говорить не хотелось. Никому. Да и о чем можно говорить, увидев ТАКОЕ?!

– Повторяю вопрос: «ВЫ. ЗАПОМНИЛИ. С КЕМ. ВАМ. ПРИДЕТСЯ. ВОЕВАТЬ?»

– Так точно...

– Вопрос о том, люди ли они и распространяются ли на них общечеловеческие законы, полагаю, не стоит? Соберите снимки и сдайте мне. На сегодня все свободны. Завтра мы поговорим о том, как в боевых условиях сделать так, чтобы в критической ситуации ваш противник очень быстро и очень честно рассказал вам все, что знает...

Покидая класс, Старик внезапно остановился на пороге. Обернулся, внимательно оглядев притихших курсантов:

– Помните, я говорил вам, что в нашем деле нельзя привязываться? Что чувства не просто мешают, но и опасны? Сегодня вы видели почему. Подумайте, если они делают ТАКОЕ просто ради развлечения, то ЧТО они сделают с захваченной в плен радисткой особого отдела, чтобы любой ценой выведать секретную информацию? Поняли, мужики? До завтра...

* * *

Ситуация на фронтах становилась все тяжелее. В середине осени пал Киев, в октябре под смертельной угрозой оказался Крым, и командованию пришлось сдать немецко-румынским войскам Одессу, морем перебросив войска Приморской армии на полуостров. Гитлеровцы перли к Москве, все еще надеясь взять город до наступления зимы. Разумеется, никто из курсантов и секунды не сомневался, что подобного не случится. Да и продвижение вермахта тормозилось буквально с каждым днем. Советские войска изматывали немцев в обороне, перемалывая в боях и контратаках полнокровные полки и дивизии и заставляя дорого платить за каждый захваченный город или поселок. В середине октября пошли проливные дожди, к чему фашисты, привыкшие воевать «по-европейски», вдоль магистральных дорог, оказались абсолютно не готовы. Осенняя распутица нарушила тыловое снабжение, оставив вырвавшиеся вперед части без горючего, боеприпасов и еды. Лишь ударившие в первых днях ноября морозы позволили им более-менее выправить положение... но и командование Западного фронта тоже использовало эти недели для своих целей. И все же враг все ближе и ближе подбирался к сердцу советской страны...

Среди курсантов ходили упорные слухи, что лагерь потихоньку готовят к эвакуации, а их, вполне вероятно, отправят на фронт еще до завершения полного курса обучения. Впрочем, эти разговоры, хоть и велись в отсутствие поблизости начальства, никак нельзя было бы назвать не то что паническими, но даже и тревожными. Наоборот, все как один бойцы именно этого и ждали, стремясь как можно скорее оказаться на передовой. Тем паче что почти половина из них были коммунистами, остальные – комсомольцами с поручительством членов ВКП(б). Полученные знания и умения требовали применения на практике. Мол, сколько ж можно в тылу сидеть, на усиленном пайке, когда война идет? Курсанты даже обижались, когда на вопрос «скоро ли на фронт?» инструкторы лишь болезненно морщились, пытаясь мягко объяснить подчиненным, что они пока еще не готовы, и вообще Родина не для того от себя последнее отрывает, чтобы их не по специальности использовать. В том смысле, что найдется кому очередной немецкий прорыв остановить. А коль не согласны – так пишите рапорт, никто вам этого запретить права не имеет. Во фронтовой разведке всегда вакансии имеются...

Но, тем не менее, седьмого ноября в Москве прошел традиционный парад в честь двадцать четвертой годовщины Великой Октябрьской революции. В этот день курсантам объявили выходной, и утром все слушатели спецкурсов собрались в актовом зале, слушая по радио праздничное выступление товарища Сталина. В относительно небольшое помещение все, разумеется, не поместились, так что часть осталась в коридоре, но подобное никого не сму-

щало. Бойцы толкались плечами и возбужденно перешептывались под недовольными взглядами инструкторов, обмениваясь радостными репликами по поводу происходящего. Ну, а как же иначе-то?! Пусть фрицы и рвутся к Москве, да все одно хрен им обломится! Иначе б товарищ Сталин никакого парада не проводил! А раз провел, так, значит, все хорошо будет, скоро погоним гадов обратно! Парад – это ведь не просто по Красной площади строем пройти или танки с артиллерией провести, это – символ. Знак! Для всех, кто сейчас на фронте или в тылу. Смотрите и не сомневайтесь, мы все равно выстоим. А как выстоим, так и победим! Да и иностранные делегации Иосиф Виссарионович тоже не просто так пригласил, а для того, чтоб и они там, в своей Англии с прочими Американами, тоже видели, как мы празднуем!

Расходились бойцы в приподнятом настроении. Тем более вечером состоялся торжественный ужин. А утром снова начались трудовые будни. Подъем – еще затемно, отбой – уже затемно. Весь недолгий световой день уходил на тренировки, теоретические и практические занятия. И так день за днем, неделя за неделей. Пока однажды, в двадцатых числах, лагерь не подняли раньше обычного уже по настоящей, боевой тревоге...

– Товарищи курсанты, в этом месяце вы заканчиваете курс обучения. Но ваша помощь требуется Родине уже сегодня, сейчас. Ситуация на фронте крайне сложная, и вам это прекрасно известно. Противник может прорвать оборону и нанести неожиданный удар в любой момент. По поступившим буквально несколько часов назад разведанным, фашисты выбросили в Загорском районе авиационный десант численностью, предположительно, до роты. Постами ВНОС были замечены как минимум три транспортных самолета типа «Ю-52», каждый мог нести до шестнадцати десантников плюс два-три транспортных контейнера на внешней подвеске. Возможно, и больше, других данных нам не предоставили. Ориентировочное место высадки – северо-восточнее Загорска, в районе Дмитрова, имея целью захват либо проведение диверсий на переправах, плотинах и шлюзах канала Москва – Волга имени товарища Сталина. Все вы прекрасно понимаете, что может означать захват и удержание мостов – подготовку к прорыву фронта.

В то же время имеется оперативная информация, что десант, или его часть, мог высадиться значительно южнее, неподалеку от рабочего поселка Хотьково. Возможно, виной этому погодные условия или ошибка пилотов. Или же имел место вспомогательный десант, цель которого – отвлечение внимания от основной группы и усложнение переброски подкреплений под Дмитров. В районе Загорск – Хотьково имеются как минимум три дороги, на которых можно устроить засады или минные диверсии: шоссе Хотьково – Дмитров и Загорск – Дмитров плюс ветка узкоколейки от Александрова. Это не считая лесных дорог и троп, которые не на каждой карте имеются. Если все это так, то район поиска значительно увеличился. Местные части НКВД подняты по тревоге, как и бойцы линейных армейских частей, и лыжные батальоны, проходящие подготовку в этом районе. Для поиска и нейтрализации диверсионных групп противника принято решение привлечь также и вас. Тем более это именно то, чему мы вас и учили все эти месяцы. Будем считать, что это задание и станет вашим выпускным экзаменом. Твердо убежден, что вы справитесь и с честью выполните задание командования! Помните, товарищи курсанты, сегодня вы – охотники, а они – дичь!

Начальник спецкурсов оглядел притихших бойцов, ежащихся от промозглого ветра, швыряющего в разгоряченные сном лица пригоршни мелкого колкого снега: морозы ударили еще в начале ноября, а сегодняшней ночью еще и приличный ветер сорвался. Так что немудрено, что фашистских парашютистов могло снести в сторону от точки высадки и сбора. Хотя если десантов и на самом деле было два, тогда все усложняется, и всерьез...

Но вопросов пока никто не задавал.

– Есть и еще один момент. Если точкой выброса является именно Хотьково, то при поиске следует помнить, что местность не только лесистая, но и болотистая, особенно в рай-

оне рек Воря и Пажа. Совсем недавно шли сильные дожди, а мороз ударил меньше недели назад. Болотина на всю глубину еще не промерзла, только поверху, и это следует обязательно учитывать. Диверсанты этого наверняка не знают и могли приземлиться прямо туда. Со всеми вытекающими для них последствиями, сами понимаете. Если при них имелись контейнеры со снаряжением или взрывчаткой, могли и утопить. Даже если нет, то уж темп движения наверняка значительно снизится. Главное, самим в трясины не угодить. Так что с картами работайте внимательно.

«Первый» выдержал небольшую паузу и закончил инструктаж:

– Таким образом, вам надлежит любой ценой предотвратить подрывные действия противника на нашей территории. На всякий случай считайте, что диверсанты и на самом деле разделились на два отряда – разбираться, так ли это, придется исключительно на месте. У всех поисковых групп будут с собой радиостанции, сеансы связи каждые три часа, при необходимости – радировать немедленно. Карты связи радисты получают на руки. Ориентировочный срок операции – сутки, но сухие пайки возьмете на два дня. У вас час на сборы и подготовку снаряжения и оружия. Время пошло с этой минуты. Разойдись.

В каждую группу входило пятеро бойцов. Всем выдали теплые ватные комбинезоны и белые маскировочные халаты – в лесу уже лежал снег. Сухпай, вода, боеприпасы, фляга спирта, аптечки. Карта местности, радиостанция. Из оружия брали «ППД-40», к которым курсанты уже успели привыкнуть, и пистолеты или револьверы по желанию. В принципе, можно было вооружиться и трофейным оружием, никакого запрета на это не имелось, но большинство курсантов предпочло отечественные образцы. У всех ножи, основной и запасной, и гранаты, как «РГД-33», так и оборонительные «Ф-1», более мощные и простые в использовании. Кроме того, «эфки» отлично подходили и для быстрого изготовления минных ловушек, чего никак нельзя было сказать про «тридцать третьи».

С теми отрядами, которые должны были перекрыть наиболее опасные направления и, по мнению командования, имели больше шансов на встречу с парашютистами, пошли инструкторы. Группу Гулькина – а старшим назначили именно его – к их числу не причислили. Не то чтобы Александра это особенно задело, но крохотный червячок обиды в душе шелохнулся: не доверяют, что ли? Или считают не до конца подготовленным? Впрочем, младший лейтенант быстро выбросил дурные мысли из головы: самоконтролю их тоже учили, и учили хорошо. Главное – выполнить боевой приказ, остальное неважно. Всякими разными никому не нужными рефлексиями пусть другие страдают.

Вместе с ним на первое в новом качестве задание шел младлей Паршин, с которым они сдружились еще в сентябре, после того памятного учебного боя, и еще трое бойцов. Серега Максимов был, как и они с Костей, пограничником. Судьба его оказалась типичной для судеб десятков и сотен красноармейцев, вступивших в войну в самые первые ее часы. Его застава держалась до ночи 24 июня, после чего пришел приказ отступить. Старшина Максимов со своим пулеметом до последнего патрона прикрывал отход товарищей, пока не был контужен близким разрывом. В бессознательном состоянии попал в плен, но по пути к фильтрационному лагерю – или куда там вели гитлеровцы по пыльной обочине толпу израненных, некоторые едва на ногах держались, красноармейцев? – вместе с одним из бойцов бежал, во время привала зарезав ближайшего конвоира припрятанным в голенище сапога штыком и захватив его карабин.

Преследовать немцы не стали, боясь, что взбунтуются остальные пленные, лишь не слишком прицельно постреляли вслед. Лесами пробирались к своим, добравшись до линии фронта лишь в первых числах июля. По пути ухитрился отправить к праотцам еще троих фашистов, гауптмана и сопровождавших его солдат, у которых на глухой лесной дороге сломалась машина. К сожалению, в этом бою погиб его товарищ, с которым они бежали из плена. Захватив офицерскую полевую сумку и оружие, лейтенант забрал у всех документы и поджег авто-

мобиль, на следующий день добравшись до своих. После недолгого разбирательства попал в учебный центр.

Старший сержант Виктор Карпышев, 27-я стрелковая дивизия, перед самой войной прикрывавшая вместе с погранцами участок госграницы по линии Граево – Августово – Сухово. Можно сказать, земляк. Не по месту рождения – по службе. Практически за спиной стоял, их тылы прикрывая. Несколько дней 27-я СД героически сражалась против двух пехотных дивизий вермахта и в конечном итоге практически в полном составе полегла, прикрывая отход частей 3-й армии. Оказавшиеся в окружении бойцы вместе с оружием отдельными группами ушли в леса и выходили к линии фронта до самого августа, партизаны и проводя в немецком тылу диверсионные акции. Поскольку боеприпасы, перевязочные средства и продовольствие закончились почти сразу, все это забирали у противника.

Из засад обстреливали и забрасывали гранатами вражеские колонны, нападали на расположившихся на ночлег фашистов, резали провода телефонной связи и валили придорожные столбы, подручными средствами минировали дороги. А однажды, обнаружив в зарослях на опушке леса наспех закиданный ветками грузовик с пушкой-«сорокапяткой» на прицепе, группа окруженцев под командованием Карпышева устроила самую настоящую артиллерийскую засаду. Снарядов, правда, оказалось немного, всего полтора ящика, но бойцы, дождавшись прохождения немецкой колонны, ухитрились поджечь, стреляя в борт прямой наводкой (панорамы у пушки не имелось), два легких танка и несколько автомашин... К тому времени, когда гитлеровцы всерьез озаботились контрпартизанской борьбой и начали прочесывать леса, большая часть бойцов уже вышла к своим. В начале осени 27-ю СД официально расформировали, разбросав немногих уцелевших по другим подразделениям. Карпышев попал в тренировочный центр УОО.

И, наконец, Иван – или Ион, как было записано в метрике о рождении, – Лупан. Самый молодой и, пожалуй, самый необычный курсант спецкурсов. Простой молдавский парень из советской Бессарабии, в сороковом освобожденной от румынского оккупационного режима. Перед войной был призван в РККА, стал снайпером, успев окончить курсы точного выстрела. Участник обороны Одессы с первого дня. В конце августа, когда противник захватил его родное село, самовольно покинул позиции с оружием в руках и пропал двое суток. Вернулся, утверждая, что уничтожил из засады десять румынов, включая двух офицеров. И еще пару солдат зарезал штыком, уходя от преследования. Последнее походило на правду, поскольку с собой он и на самом деле принес их смертные жетоны и документы со следами крови.

О причинах своего поступка ничего сказать не смог, только пожимал плечами и повторял, что «иначе поступить не мог» и «это им за родителей». Разумеется, парня сразу арестовали, отправив в особый отдел Южного фронта как дезертира. Но пришедшая из вражеского тыла разведгруппа неожиданно подтвердила, что неизвестный снайпер и на самом деле расстрелял штаб румынского пехотного батальона вместе с охраной; количество погибших также примерно совпадало. Несмотря на это, Лупан однозначно отправился бы под трибунал, и хорошо, если бы все закончилось штрафной ротой, а не расстрелом, не окажись в тот момент поблизости одного из сотрудников УОО. С полчаса поговорив с арестованным снайпером наедине, он твердо заявил, что забирает бойца с собой. Собственно, никто и не спорил – меньше проблем. А то решай тут, то ли герой, то ли дезертир и перебежчик. Тем более, под румынами жил, кто ж его знает, может, завербованный...

Их пятерка сдружилась еще на тренировках. Не сразу, конечно, постепенно, день за днем. Инструкторы подобному не только не препятствовали, но и, наоборот, ненавязчиво подталкивали бойцов к созданию *коллектива*. Поскольку с самых первых дней обучения говорили: боевая группа должна сработаться, притереться друг к другу, словно шестеренки единого механизма. «Отлаженного, словно швейцарские часы», как порой говорил Старик. Швейцарских часов Гулькин отроду не видал, но общий смысл уловил. Хотя ему ближе было иное сравнение:

как патроны в обойме. Поскольку ежели один перекосит, то и от остальных никакой пользы не будет, покуда затвор не передернешь да бракованный боеприпас не выкинешь...

До точки, откуда предстояло начинать поиск, курсантов доставили на тентованных грузовиках. Александр так и не понял, откуда командование за несколько часов разжилось сразу полудесятком полуторок в дополнение к тем трем «ГАЗ-АА», что составляли собственный автопарк тренировочного лагеря, но транспорт оказался весьма кстати. И уже в восемь часов утра, серого и ветреного, с затянувшими небо низкими свинцовыми тучами, то и дело сыплющими мелким снежком, бойцы, в крайний раз проверив снаряжение и оружие, углубились в нахохлившийся в ожидании настоящих морозов лес...

Глава 4

Загорский район Московской области. Ноябрь 1941 года

Первый час Гулькин гнал отряд быстрым шагом, стремясь как можно скорее выйти в квадрат поиска. Младший лейтенант прекрасно понимал, что немцы, и без того имеющие фору во времени, на месте сидеть не будут. Шли цепочкой, выдерживая положенную дистанцию и ступая след в след, Александр – первым, Паршин – замыкающим. Десятикилограммовую рацию тащил идущий между Карпышевым и Максимовым здоровяк Лупан, как самый физически крепкий. Толщина снежного покрова едва достигала десяти сантиметров, так что передвигаться было несложно. Вот если бы заснежило всерьез – тогда да, могли возникнуть проблемы. Поскольку ходить на лыжах их пока не учили, а до войны как-то не довелось. Зато и следов не скроешь, как ни маскируй.

В начале второго часа младлей остановил бойцов на короткий отдых, заодно сверившись с картой. Все, они на месте, можно начинать поиск. Судя по карте, парой километров южнее располагалась лесная дорога, непонятно куда ведущая (точнее, ни с того ни с сего внезапно обрывающаяся), а северо-восточнее – те самые приречные заболоченные поляны, о которых предупреждал «Первый». Идти в том направлении? Стоит ли? Если парашютисты и десантировались на болото, за прошедшее время они оттуда всяко убрались. Вот только куда именно? Куда?

Гулькин задумчиво закусил губу, с досадой подумав, что поиск вражеских диверсантов представлялся ему как-то иначе. Погоня, возможно, даже перестрелка и, наконец, захват. А так... пойдешь их сыщи в этом однообразном лесу.

– Бойцы, обследовать местность в радиусе полукилометра. Сбор здесь через пятнадцать минут. Двигаться скрытно, лишних следов не оставлять, подлесок не ломать, снег с кустов не сбивать, глядеть в оба. В общем, сами знаете, ученые. Рассыпались, орлы.

Невеселые мысли вовсе не мешали Сашке плавно двигаться вперед, аккуратно передвигаясь между кустами. Под подошвами едва слышно поскрипывал прихваченный морозцем снег, взгляд плавно, как учили, скользил справа налево, фиксируя малейшее *несоответствие* или *странность*. Но пока никаких странных несоответствий не обнаруживалось: лес и лес. Именно такой, каким и надлежит быть подмосковному лесу в конце осени – начале зимы. Местами труднопроходимый, с присыпанными снегом буреломами и оврагами, местами самый обычный, с черными, с наветренной стороны выбеленными снегом стволами сбросивших листву деревьев и густым подлеском. И ничего, просто ничегошеньки необычного... СТОП! Александр остановился, словно натолкнувшись на невидимую стену. Какая-то мелкая деталь, отмеченная периферическим зрением, на которую мозг отреагировал с небольшим, в секунду примерно, запозданием...

Заученно присев, Гулькин выставил перед собой автомат и медленно осмотрелся. Куст. Да, именно этот куст в пяти метрах справа и привлек его внимание. А почему привлек? Что с ним не так, с кустом? Да вот что: одна из склонившихся к земле веток с несколькими скукожившимися от холода бурыми листочками была ГОЛОЙ, без снега. В точности как и бывает, когда проходивший мимо человек, не заметив, толкнул ее плечом или локтем, сбивая снеговую шапку. Нет, может, конечно, и ветер или какой-нибудь лесной зверек, но...

Боясь спугнуть удачу, младший лейтенант осторожно, не делая резких движений, особенно хорошо заметных в голом зимнем лесу, подобрался ближе. Поднырнул под ветку, внимательно глядя под ноги. Есть, не ошибся! След. Присыпанный сбитым снежком снег с характер-

ным отпечатком немецкого прыжкового ботинка. Дугообразный, словно распластанная буква «л», протектор подошвы, именно такой, как им показывали на занятиях. Точнее – СЛЕДЫ, поскольку десантники шли, как и их преследователи, наступая в одно и то же место. Этому Александра еще в пограничниках неплохо учили, различать отпечаток ноги одного прошедшего человека от нескольких, идущих след в след. Сколько их было? Сложный вопрос, почву уже прихватил мороз, земля затвердела, так что по глубине продавливания не особенно и разберешь. Но явно, что не один или двое; как навскидку – от пяти до десятка, точнее никак не определишь. Да это сейчас и неважно, главное, НАШЛИ!

Перекинув под руку автомат, Александр несколько раз легонько стукнул ножом по коже стволу. Звук, хорошо различимый вблизи, но трудноопределимый даже на небольшом расстоянии. Спустя пару минут бойцы отряда собрались вокруг командира, разглядывая находку.

– Повезло нам, мужики, так что ноги в руки – и вперед. Они тут недавно прошли, часа два от силы, поэтому преследуем. – Гулькин снова развернул карту, держа поверх нее руку с компасом на запястье. – Интересно, куда они идут?

– Думаю, сюда, командир, – неожиданно сказал Карпышев, уверенно ткнув пальцем в ничем не примечательную точку, неподалеку от которой обрывалась та самая лесная дорога. – Хутор тут, заброшенный. Уж лет двадцать как.

– Какой еще хутор? – удивленно вскинул брови младший лейтенант, с недоверием взглянув на товарища. – На карте ведь нет ничего? Откуда знаешь?

– Так это... – пожал тот плечами. – Я ж сирота, родителей беляки убили. Детдом у нас тут был, неподалеку, верстах в семи. Мы в эти леса частенько с пацанами ходили, то в походы с вожатым, то просто так, самоходом. Однажды на хутор и наткнулись. Потом еще несколько раз туда сбегали, картохи там испечь, папироской побаловаться, пока старших нет. Ну и по чердакам да подполам лазили, все думали клад найти, – старший сержант смущенно улыбнулся.

– И как, нашли? – рассеянно осведомился Гулькин, продолжая изучать разложенную на колене карту.

– Да где там... Как-то раз едва насмерть не убился: перекрытие сгнило, вот я с чердака вниз и навернулся. Пацаны насилу в себя привели. Сейчас та изба, небось, и вовсе без крыши осталась.

– А чего раньше не сказал, что места знакомые?

Бывший пехотинец снова пожал плечами:

– Так я карту только сейчас увидел, ты ж ее раньше не показывал, командир. Загорский район, он большой, и лесов в нем полно. Откуда мне было знать? В грузовик посадили, привезли, выгрузили. Сейчас вот только и сориентировался.

– Ладно, понял, – буркнул Сашка. – И все-таки, Витя, как такое может быть, что на карте ничего не обозначено?

– Да вот хотя бы как, – хмыкнув, старший сержант указал на отпечатанные на полях исходные данные. – Карта-то сорокового года, а хутор больше двух десятков лет как брошен. Вот, видать, и не стали никакой отметки делать. А дорогу зачем-то оставили. У немцев же карты наверняка более старые, потому они о нем и знают. Кто ж ихних картографов разберет? Может, они свои трехкилометровки еще с наших дореволюционных копируют, как раз по срокам примерно подходит.

– Допустим. А что немцам там делать, как считаешь?

– Сушиться, что ж еще, – криво усмехнулся боец. – Командир, сам погляди, откуда они идут? Аккурат со стороны болотины, как по ниточке. Видать, ухнули-таки в водичку, кое-как выбрались да и ищут место, где отсидеться. Помнишь, о чем товарищ «Первый» на построении говорил? Так я его слова немного поясню: там вдоль рек идут такие луговины, которые после хороших дождей в самое настоящее болото превращаются. По пояс как минимум, а где

и по грудь. А дожди в прошлом месяце были, сам помнишь, и хорошие. Ежели их морозцем прихватит да снежком припорошит – чистое поле. Сверху – идеальное место для высадки. А как ногами коснешься, так и провалишься. Особенно когда с парашютом падаешь. Фрицы-то, конечно, выберутся, тут не Белоруссия и не Карелия, даже и с головкой не булькнут, но в мокрых комбезах да по такому морозцу – сам понимаешь, каково. Плюс, если вместе с ними еще и транспортные контейнеры сбросили, то пиши пропало. Если и вытащат, то только случайно – ежели совсем рядышком упал. Ну, а коль далеко, то с концами. Вот как-то так, командир.

– Да ты просто кладезь полезной информации... – добродушно пробурчал Гулькин, в душе ликуя. Вот оно, значит, как обернулось! Командование их во второстепенный по значимости квадрат отправило, а они, и двух часов не прошло, уже диверсантов обнаружили и на след встали! Везет!

– Значит, так, товарищи бойцы! В максимальном темпе выдвигаемся к хутору, где производим разведку и захват вражеской диверсионной группы. Идем прежним порядком, по дороге бдительности не теряем, противник мог оставить минные ловушки. Витька, сколько дотуда?

– Километра три, не больше. За час управимся.

– Вперед, мужики!

– Командир, – неожиданно подал голос тот, кого Александр меньше всего ожидал услышать: обычно молчаливый Лупан.

– Ваня, что? Некогда время терять.

– Нашим сообщить нужно. Товарищ «Первый» приказал, – по-русски Иван говорил почти без акцента, хоть родился и вырос в Бессарабии, лишь излишне мягко, «по-молдавски», произносил букву «л», – что в экстренном случае на связь выходить немедленно.

Несколько мгновений Гулькин колебался, затем принял решение:

– Ты ж за две минуты антенну не разматываешь? А нам время терять категорически невозможно, вдруг фашисты с места снимутся да уйдут? Вот доберемся до хутора, убедимся, что там они, – тогда и радируем. Вдруг мы ошиблись, нет там никого и не было? Нехорошо выйдет. Это приказ!

– Добро, – невозмутимо согласился Лупан, закидывая на плечи лямки вымазанной в маскировочных целях белилами радиостанции.

– Двинули, мужики, время поджидает...

* * *

До заброшенного хутора добрались быстро. По пути обнаружили несколько наспех прикопанных окурков от немецких сигарет и обертки от шоколада: парашютисты делали короткий привал. Здесь фрицы наследили куда сильнее, однако точно определить, сколько их было, все равно не удалось. Но явно не меньше десятка, что вполне укладывалось в общую картину: если десант насчитывал как минимум роту, то и отдельные группы должны быть достаточно многочисленными. Придя к этому выводу, Гулькин лишь зло заиграл желваками – десять подготовленных десантников против пяти курсантов! Многовато. Ну, да ничего, справятся. Сдюжат, куда деваться, не помощи же просить? Стыдно... да и когда еще та помощь подойдет. Так что сами, все сами.

И отдал приказ продолжить движение.

Расположившись в пределах видимости, замаскировались и с полчаса наблюдали, пытаясь определить, есть ли там немцы. По всему выходило, что есть. И следы вели в правильном направлении, и снег на просевшем крыльце единственного более-менее сохранившегося дома оказался истоптан, да и дверь недавно определенно открывали. В целом же хутор был так себе – одно название. Хуторок, скорее. До того как его покинули люди, поселение насчитывало три подворья; сейчас же полностью уцелела всего одна изба да расположенный неподалеку поко-

сившийся сарай. Или курятник там какой-нибудь – в подобных мелочах Александр не разбирался. От соседнего строения остались только вросшие в землю стены – крыша давным-давно провалилась, в оконных проемах виднелись покрытые снегом кусты. Третья хата, самая дальняя, и вовсе сгорела, лишь торчал закопченный давним пожаром дымарь. Впрочем, бойцам поисковой группы это оказалось только на руку – никаких сомнений, где именно находится противник, не осталось. Осталось лишь выяснить, где гитлеровцы разместили свои секреты...

– Ну, чего думаешь? – жестом подозвав Карпышева, осведомился младлей. – Ты ж у нас теперь главный спец по этой деревне?

– А чего тут думать? В избе они, больше негде. Кстати, когда я тут в последний раз был, вторая изба еще под крышей стояла. Но перекрытия уже тогда сильно подгнили, я через это дело с чердака и навернулся, помнишь, рассказывал? Гляди, командир, – он протянул Гулькину блокнот с корявым карандашным рисунком. – План дома по памяти набросал, я его хорошо запомнил. Штурмовать лучше через эти вот окна и дверь, одновременно. Стекол там уже наверняка нет, рамы гнилые... были, а сейчас, поди, и вовсе повысыпались. Входи – не хочу.

– Понял, – намертво запомнив схему, Александр вернул блокнот. – Передай ребятам, пусть изучают. А что насчет наблюдателей? Как полагаешь, где сидят?

– Один в сараюшке, – без заминки ответил товарищ. – Гарантия – сто процентов.

– Поясни? – Гулькин и сам пришел к подобному выводу, но решил проверить.

– Дверь, – ухмыльнулся бывший пехотинец. – Петли давно сгнили, она и упала. Еще когда мы с пацанами тудой лазали, перед входом валялась. А сейчас снова стоит. И снега на ней нету. А след остался. Верно?

– Молодец, я тоже так подумал, – слегка покривил душой Александр. Именно дверь его и насторожила, точнее, отсутствие навееянного ветром снега на гнилых досках. А вот о том, что перед этим она лежала на земле, он и не подумал. Хотя отпечаток и на самом деле имелся. Минус тебе, товарищ младший лейтенант! Внимательней нужно быть.

– А второй где? Есть мысли?

– Думать нужно, – уклончиво ответил Карпышев. – Наблюдать. Пока не знаю, а ты?

– Поленицу старую видишь? И телегу рядом с ней? Снег вроде нетронут, но уж больно позиция удобная. Если тот, что в сарае, левый фланг держит, то отсюда можно правый прикрыть. И дорога у него как на ладони. А?

– Разумно, – помедлив, кивнул головой Виктор. – Но подобраться будет сложно, место открытое. Может, гранатой?

– Может, и гранатой, одновременно с началом атаки, чтобы шумнуть своим не успел. А если он все-таки не там?

Несколько минут товарищ молчал, плавно поводя биноклем, затем с улыбкой повернулся к командиру:

– Там он, Саш, не сомневайся даже. На, сам погляди. Видишь, оглобля в землю уперлась? А снега на ней нет, хоть и должен быть. Значит, двигали ее недавно. Зачем двигали? Понятное дело, чтобы под телегу залезть. Но там места совсем мало, столько лет в землю вращалась, да и гнилая совсем, просела. А теперь левее смотри, на полметра примерно. Ну, чего видишь?

Гулькин подкрутил колесико, вглядываясь. Хмыкнул:

– Сапог, что ль?! Не могу понять.

– Ага, подошва ботинка торчит. Говорю ж, места мало, едва поместился фашист, оттого и спалился. Согласен, нет?

– Согласен. Молодец, Витя, глазастый, и с наблюдательностью все в порядке. Добро, ползем обратно, нужно с мужиками посоветоваться...

* * *

Пока Лупан занимался антенной, разматывая и забрасывая ее на ближайшее дерево, Гулькин составлял текст радиограммы, одновременно продолжая размышлять. В целом все вроде бы понятно: нужно атаковать, пока гитлеровцы расслабились и не ждут нападения. Иначе снимутся с места и уйдут – и гоняй их потом по лесам... если догонишь. Так что отпускать парашютистов нельзя, тут вариантов нет. Но уж больно смущает отсутствие точной информации о численности противника. Если их и на самом деле около десятка или даже больше, хватит ли сил? Не факт, ох не факт...

Александр хорошо помнил занятия, на которых их учили, как следует поступать при двукратном перевесе сил противника. Ведь его группа, как ни крути, разведывательно-поисковая; в реальности же в подобной ситуации нужно гораздо больше людей: группа расчистки, по два бойца, основной и страхующий, на каждого часового. Группа отсечения на случай прорыва врага из западни численностью до двух отделений. Снайперы для контроля окон перед началом штурма. Секреты, перекрывающие пути возможного подхода к немцам помощи. Ну и, собственно, атакующая группа, по числу вражеских бойцов внутри. Вот именно что по числу, ага... А если не справятся, если будут неоправданные потери и часть немцев уйдет в лес? Да ему, как командиру группы, за такое сразу трибунал, и хорошо, если по итогам не вышак выйдет! С другой стороны – смотри выше, как говорится, – отпускать фрицев категорически нельзя. Еще хуже получится. Так что придется работать, под свою ответственность. Помощь-то ни при каких условиях не успеет. А уж там? Как говорится, или грудь в крестах, или голова в кустах. Победителей на Руси испокон веков не судят.

– Есть, командир, – подготовив и проверив радиостанцию, доложил Иван, отрывая Гулькина от невеселых мыслей. – Что передавать?

– Держи, – младший лейтенант протянул ему листок с несколькими короткими строчками:

«Рябина-5» – «Ясенью». Десантирование противника обнаружено в квадрате 34–23. Прослежен до квадрата 45–12, где группа остановилась на длительный привал. Ориентир – заброшенный хутор. Точная численность неизвестна. Принял решение на захват. Конец связи».

– Зашифруй и передавай.

– Понял, – боец нацепил наушники и склонился к рации. Дробно застучал ключ.

С минуту Гулькин молчал, собираясь с мыслями и подбирая слова, затем заговорил:

– Мужики, ситуация очень серьезная, сами видите. Парашютистов как минимум вдвое больше. Но сейчас у нас нет ни группы отсечения, ни снайперов (услышав последнее слово, радист вскинулся было, но тут же опустил голову – какой из него нынче снайпер, если даже обычной трехлинейки не имеется, пусть даже без оптики?), ни вспомогательных сил. Только мы, пятеро советских бойцов, которые одновременно являются всеми перечисленными, плюс штурмовой группой, разумеется. Короче, оставить лирику. Так просто нам их не взять. Даже если внутри семь или восемь человек, для нас это многовато. А если больше? Помните, что товарищ «Первый» касательно замеченных самолетов говорил? В «пятьдесят второй» «Юнкерс» полтора десятка фрицев влезает. Шестнадцать, если точно. Возможно, их и раскидало ветром, а если нет? Если тут ВСЯ диверсионная группа в полном составе? Тогда совсем плохо. Поскольку это уже не двух-, а трехкратное превосходство выходит. Но мне все же кажется, что их тут не больше десятка...

Александр помолчал, исподлобья глядя на насупившихся товарищей:

– Потому единственным реальным вариантом считаю следующий. Атакуем через окна гранатами «РГД-33» без осколочных рубашек. Бросаем аккуратно, под самые стены, ни в коем случае не в центр комнаты. Две, максимум три штуки. «Тридцать третья» – не настолько мощ-

ная штука, большинство немцев наверняка уцелеет. В момент взрыва штурмуем одновременно через окна и дверь. Если повезет, основную часть фрицев оглушит, но не до смерти. Этих вяжем, пока не очухались. Будем надеяться, среди них будет и командир, и радист. Вот примерно так. Другого варианта просто не вижу. Кто что думает?

– Рискуешь, командир... – глухо проговорил Паршин, пряча взгляд.

– Рискую, – почти весело согласился тот. – Но, сам ведь понимаешь, иначе вообще никак. Я ж не зря в радиограмме указал, что численность противника неизвестна. А то бы приказали ждать подмогу, а когда она придет? Да и кто? наших практически всех отправили, а с энкавэдистами или армейцами пока свяжутся, пока взаимодействие наладят – диверсанты и уйдут, сволочи. Сколько им еще времени нужно, чтобы шмотки просушить, час-полтора? Не станут они тут долго сидеть, точно говорю. Не идиоты же, понимают, что их ищут. Так что, бойцы, всю ответственность беру на себя!

Смерив командира гневным взглядом, Паршин резко приподнялся:

– Сашка, ты это чего?! Ты это что ж, решил, что я ответственности забоялся и все на тебя решил свалить?! Да я тебе... морду за такое набью! Не сейчас, понятно, а как в расположение вернемся!

– Успокойся, Костя, ничего я такого не решал, – устало отмахнулся Гулькин, пряча улыбку. В товарище он и секунды не сомневался. – Ну, веришь?

– Верю, – буркнул тот, все еще свирепо раздувая ноздри. – Ладно, проехали. Говори конкретно, чего делаем?

– А чего делаем... воюем. Тебе, кстати, самая сложная задача. Тот, что в сарае, – твой. Крайне желательно – живым, нужно узнать, сколько их. Начинаешь за две минуты до нас, если возьмешь фрица живым и выяснишь численность группы – даешь сигнал. Если нет – тоже. Понял?

Паршин коротко кивнул.

Александр повернулся к Максиму:

– Серега, на тебе задачка не проще. Скрытно подбираешься к пленнице вон с той стороны, так меньше шансов, что заметят из избы, и тихаришься до сигнала. Сигнал – начало штурма. Если сможешь взять диверса раньше – отлично, отсюда всех подробностей не разглядишь, но зря не рискуй и на рожон не лезь, иначе всех подведешь. В любом случае маякнешь. Когда будем готовы, махну, рви его гранатой и присоединяйся. Я, Витя и Иван берем избу, мы с Витей – через окна, Ваня – в дверь. Костик – на контроле снаружи, ты – с ним. Если полезут через окна, бить по ногам, главное, чтоб не насмерть. Мужики, снова повторяю, немцев для нас многовато, но пленные нужны, как воздух. Поскольку, кто из них кто, мы не знаем, всем максимальное внимание, замечаем любые мелочи. Понимаю, что сложно, но иначе никак. Если их случайно здесь выбросили – ладно, а если нет? Если с каким-то заданием, о котором мы ни сном ни духом? И командование наше тоже не догадывается? Понимаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.